

**ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВОПРОСУ О РОЛИ КЕЛЬТЕМИНАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ИСТОРИИ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА - РАННЕЙ БРОНЗЫ**

© 2021 Л.М. Сверчков

Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент

Статья поступила в редакцию 29.03.2021

Понимание вопросов исторического развития Евразии, накопившихся за долгие годы, невозможно без равного участия всех научных дисциплин. В силу специфики своих методов археология, как представляется, отошла на второй или, точнее, третий план, уступив место естественным наукам (генетике) и самой точной из гуманитарных наук – языковедению. Данная статья – не более чем очередная попытка нашими традиционными археологическими методами вновь обратить внимание на археологические культуры, расположенные на огромной территории в самом сердце Евразии. Прежде всего, речь идет о кельтеминарской культурно-исторической общности, ее взаимосвязях с соседними сообществами, предполагаемом участии в генезисе ямной и, особенно, фатьяновской культур. Неизбежно это затрагивает проблемы протоиндоевропейской (ПИЕ) языковой общности, ее локализации и ареальных связей.

Ключевые слова: Центральная Азия, Сибирь, Китай, ямная, фатьяновская культуры, ПИЕ-общность.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-133-165

Введение

В последние годы многие исследователи из-за невероятного по объему и значению информационного прорыва в палеогенетике подверглись серьезному искушению объяснить те или иные древние миграционные процессы Евразии вне археологического контекста. Вполне понятное, хотя иногда чрезмерное увлечение генетическими исследованиями как-то оставило в стороне наши коренные археологические проблемы: хронология, происхождение тех или иных культур, взаимодействие друг с другом, направления связей, распространение и векторы миграционных потоков. Именно археологи должны объяснить уровни родства – по восходящей-нисходящей линии, параллельной братской или даже двоюродной. Как ни странно, пока лучше всего это получилось у Марии Гимбутас, выводы которой столь «сенсационно» подтвердили

генетические исследования. В послевоенные 50-е годы, в короткий период всплеска гуманитарных наук М. Гимбутас опиралась исключительно на археологические данные и благодаря превосходной научной эрудиции доказала родство ямной культуры и культур шнуrowой керамики¹. Сейчас, спустя полвека, данное утверждение не вызывает сомнений ни у кого, хотя имя М. Гимбутас упоминается крайне редко, если вообще упоминается, особенно теми, кто в 90-е гг. так активно ее критиковал.

Среди забытых имен, неординарных идей, широких и глубоких обзоров археологии Евразии, может быть, следует вновь напомнить об одной «забытой» археологической культуре – кельтеминарской, до сих пор не нашедшей своего места ни в европейской, ни в азиатской историографии. Кельтеминарская культура, или, как выяснилось позже, культурно-историческая общность, занимала обширное пространство практически в центре Евразийского континента и существовала на протяжении долгого времени – с VIII - VII до конца III тыс. до н.э.

Сверчков Леонид Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, г. Ташкент. E-mail: lsverchkov@mail.ru

Кельтеминарские памятники находятся в пустынных, труднодоступных областях Северного Туркменистана, Западного Казахстана и Западного Узбекистана. Центром культуры является Юго-Восточное Приаралье, где в общей сложности насчитывается более 1500 стоянок, расположенных в левобережье Амударьи к северу от Каракумов, на правобережье Амударьи во Внутренних Кызылкумах, в районе староречий Заравшана и в низовьях Сырдарьи. В VIII - начале III тыс. до н.э., в период так называемого «лявляканского плювиала», климат пустынь Средней Азии был благоприятен для обитания, что обусловило широкое освоение человеком Арало-Каспийского региона, включая Северные Каракумы и Внутренние Кызылкумы. уже в конце VIII тыс. до н.э.²

Территориально кельтеминарская культура занимала крайне выгодную позицию относительно выдающихся культур Переднего Востока и своеобразных культур лесного (лесостепного) Севера. Сама география памятников кельтеминарской культуры подразумевала ее особую роль в системе связей Евразии, и, вероятно, именно это на первых порах вызвало огромный всплеск интереса, обусловленный, прежде всего, поиском связующего звена между культурами Юга и Севера. В первые десятилетия после открытия кельтеминарская культура, вопросы ее происхождения, распространения и связей обсуждались довольно часто, однако в наши дни она оказалась не то чтобы забытой, но, как представляется, незаслуженно обойденной вниманием. В этой связи, а также с учетом некоторых не столько многочисленных, сколько любопытных новых данных хотелось бы вновь напомнить основные моменты актуальной когда-то дискуссии.

Историография

Кельтеминарская культура была открыта Хорезмской экспедицией еще в 1939 г. прошлого века³. Изначально С.П. Толстов выявил общий, необычайно широкий круг аналогий кельтеминарской культуры и обозначил ее место в древнейшей истории Ев-

разии. По мнению автора, керамический комплекс Приаралья является наиболее ранним, архаичным звеном в комплексе Северо-Восточной Европы и Северо-Западной Азии, сближающим кельтеминарскую культуру с ямной и особенно афанасьевской культурами, тесные аналогии имеются с несколько более поздними памятниками Прикамья (Левшинская стоянка) и нижней Оби. Кельтеминарский зигзагообразный елочный орнамент распространен в афанасьевской культуре Алтая, в зауральских культурах шигирского типа и на стоянках Синьцзяна (коллекция А. Стейна). По раковинам рода *Dentalium* из раскопок стоянки Джанбас-4, которые не обитают в Арале, но есть в бассейне Индийского океана, предполагались тесные связи Приаралья с Индией вплоть до Бирмы. С учетом лингвистических параллелей между языками финно-угорской группы и языками дравидским и мунда раковины *Dentalium* послужили тогда главным обоснованием финно-угорской атрибуции кельтеминарской культуры⁴.

В те годы считалось твердо установленным родство кельтеминарской и афанасьевской культур, что обосновывалось находками в афанасьевских погребениях раковин *Corbicula fluminalis*, распространенных только в устье Амударьи⁵. Кроме того, многие исследователи обратили внимание на сходство кельтеминарской и афанасьевской культур, особенно раннего этапа: по отдельным признакам в обряде захоронения, по керамике, в том числе мотивам орнамента, окраске сосудов охрой и даже росписи в виде лесенки, нанесенной белой краской⁶.

А.П. Окладников, отмечая сходство остродонных сосудов Джебела с древнейшей керамикой неолита Крыма и Украины, связывал происхождение афанасьевской (и ямной) керамики с мезолитом Прикаспия, причем керамика афанасьевской культуры Минусинской котловины, по мнению автора, восходит скорее к прикаспийским образцам, чем к сосудам ямной культуры⁷. С кельтеминарским кругом соотносился гене-

зис неолитических стоянок Прибайкалья, а волнисто-струйчатый орнамент на сосудах, найденных возле г. Красноярск, чрезвычайно близок способу украшения кельтеминарской керамики, сосудов шигирской культуры Западной Сибири и Урала⁸. В качестве связующего звена между неолитическими памятниками Приаралья и Прибайкалья рассматривалось поселение Усть-Нарым в долине р. Иртыш⁹. Тогда А.П. Окладников относил все древние племена Урала, Западной Сибири и Приаралья к финно-угорской языковой семье, точнее, восточной, угорской ее ветви¹⁰.

В.Н. Чернецов обратил внимание на близкое сходство кремневого инвентаря, изделий из кости, керамики из кельтеминарских памятников и ранних материалов из стоянок у Андреевского озера в Нижнем Приобье. Аналогии между памятниками Зауралья и Средней Азии касаются не только обычных для раскопок находок. Крайне интересны остатки изделий из бересты с росписью красно-коричневой охрой, обнаруженные в Горбуновском торфянике. Орнаментальная композиция состоит из разделенных прямыми линиями полей, заполненных волнистыми линиями. Тот же орнамент типичен для раннекельтеминарского комплекса и для круга культур расписной керамики джейтунского типа¹¹. В том же Горбуновском торфянике сохранился деревянный бумеранг, в связи с чем А.В. Збруева упоминает находку орудия подобного рода в раскопках северного холма Анау в Южном Туркменистане¹².

В.Н. Чернецов пришел к выводу, что именно в Приаралье находился очаг формирования уральской языковой семьи, распространившейся отсюда на Урал, в Зауралье и Сибирь. В качестве дополнительного аргумента автор приводил антропологические данные о присутствии древнеевропейского компонента у современных манси и хантов и реконструированный М.М. Герасимовым череп человека из Шигирского торфяника – европеоида с монголоидной примесью¹³. После ряда обоснованных воз-

ражений со стороны последователей автохтонного развития уральского неолита на основе местного мезолита В.Н. Чернецов вновь привлек внимание к почти полной идентичности всего археологического комплекса кельтеминарской культуры и неолита Восточного Зауралья, особенно ранней его стадии – Козловской. Автор утверждал, что подобная близость не является отдельным эпизодом истории Урала, свойственным только неолиту, она проявляется еще в мезолите, и единственное возможное тому объяснение видится в продвижении на север прикаспийских и приаральских племен. Не давая никаких этнических определений, В.Н. Чернецов убеждает, что настолько устойчивая система взаимосвязей могла существовать исключительно в рамках единой этнокультурной общности¹⁴.

Даже противники теории В.Н. Чернецова соглашались в том, что «население уральско-камской области заимствовало у своих южных соседей не известное ему ранее искусство выделки глиняной посуды, в том числе и мотивы орнаментации»¹⁵. А.Х. Халиков, признавая выдающееся значение кельтеминарской культуры, видел в ее движении на север «клин», который разрезал единый от Волги до Байкала протофинно-угорский массив на финно-угорский запад и самодийский восток¹⁶.

М.Е. Фосс избегает конкретных этнических определений в отношении культур лесной полосы эпохи неолита и тем более кельтеминарской общности, но предупреждает о невозможности отнесения культур с гребенчатой керамикой (кельтеминарская, афанасьевская) к ямочно-гребенчатому неолиту Европы. «Население Урала и Приуралья составляло единый этнический массив с Западной Сибирью, который можно противопоставлять восточноевропейскому, состоявшему из двух крупных этнических общностей»¹⁷.

В.Н. Даниленко присоединился к позиции А.П. Окладникова в том, что кельтеминарская культура отражает не столько южную линию развития, сколько проникший

далеко на юг блок северного, протофинно-угорского этнокультурного массива. По его мнению, на фоне неолита ямочно-гребенчатой керамики и других европейских образований «Кельтеминар представляет собой явление крупнейших, поистине азиатских масштабов»¹⁸. Автор резко отделяет кельтеминарскую культуру от южного прикаспийского неолита, представленного пещерными комплексами Хоту, Белт и Джебел. С кельтеминарской культурой связывается сперрингский этап развития неолита ямочно-гребенчатой керамики, тогда как прикаспийские племена участвовали в сложении днепро-донецкой и ямной культуры (происхождение скотоводства). Тот факт, что кельтеминарский археологический комплекс, несомненно, аналогичен материалам днепро-донецкой культуры, объясняется усилением протоиндоевропейских и протофинно-угорских контактов¹⁹.

А.А. Формозов сначала также предполагал выдающийся вклад кельтеминарской культуры в процесс формирования археологических культур лесостепной полосы Евразии эпохи бронзы, в частности, андроновской²⁰. Однако в поздних своих работах автор пришел к заключению, что «гипотезу об огромной роли кельтеминарской культуры в истории Европы и Азии надо признать преувеличением»²¹. По его мнению, влияние кельтеминарской культуры не распространялось на Южный Урал и Зауралье, его не было ни на Подонье, ни на Украине, и, главное, «кельтеминарская культура не древнее ряда неолитических культур Восточной Европы и Урала»²². В те годы датировка кельтеминарских древностей основывалась на синхронизации с четвертым слоем пещеры Джебел, единственная радиоуглеродная дата которого 6030 ± 240 лет назад, и распространении в позднекельтеминарских комплексах плоских донец, сосудов с трубчатými носиками и вытянутыми сливами²³. Важным моментом было переопределение раковин *Corbicula* из афанасьевских захоронений Среднего Енисея, которые оказались не среднеазиатскими, а местными ископае-

мыми моллюсками. Еще большее значение имело определение раковин *Dentalium* из раскопок стоянки Джанбас-4 как ископаемых, залегающих в третичных отложениях Приаралья, а не привезенных из бассейна Индийского океана²⁴.

Кельтеминарская культура представлена в работах А.А. Формозова как крайне архаичное охотничье-рыболовецкое сообщество, вплоть до самых поздних этапов своего существования не обладавшее навыками скотоводства и потому резко отличавшееся от неолита Прикаспия (Джебел, Дамдамчешме). Кельтеминарский комплекс безусловно отнесен к южному кругу культур, но распространение сферы его влияния на север называется только на отдельных памятниках Урала, Зауралья и, возможно, Сибири²⁵.

Исследования, материалы, ареал, распространение, контакты

Главная заслуга в исследовании кельтеминарской культуры принадлежит выдающемуся археологу А.В. Виноградову, в работах которого последовательно излагается и, главное, обосновывается южное происхождение и родственные связи кельтеминарской общности. Во-первых, автор сразу обозначил несостоятельность аналогий с микролитоидными культурами Индии, предложенных С.П. Толстовым, сходства нет ни в каменном инвентаре, ни в керамике. Во-вторых, орудия кельтеминарской культуры близки материалу пещеры Палегавр в Северном Иране, а в еще большей степени – инвентарю поселений докерамического неолита Карим-Шахир и Джармо в Северном Ираке²⁶.

Наибольшее сходство кельтеминарский кремневый инвентарь обнаруживает с материалами джейтунской культуры расписной керамики на юге Туркменистана. Это касается подавляющего большинства изделий и особенно ярко проявляется в распространении наконечников стрел кельтеминарского типа в ареале джейтунской культуры: в подъемном материале, в раскопках самого поселения Джейтун и верх-

них слоев Чопандепе²⁷. Анализ керамического материала приводит к выводу, что формы сосудов кельтеминарской культуры и их орнаментация более типичны для земледельческого Юга, чем для уральских и сибирских культур, даже шигирской и горбуновской, керамические традиции которых восходят к кельтеминарским. А.В. Виноградов выделяет два типа сосудов: сферические узкогорлые горшки с отогнутым венчиком и ладьевидные чаши, которых вообще нет в северном неолите, и появляются они в Восточной Европе только в эпоху бронзы – в среднеднепровской и фатьяновской культурах. Как и в случае с каменными изделиями, все аналогии указывают на юг: Шахтепе, Гиссар, Сиалк, Джейтун, Анау, Намазга. Это касается и происхождения традиции окрашивания кельтеминарских сосудов красной и желтой охрой, случаи сохранения которой, к сожалению, крайне редки. Как правило, роспись осыпалась или была «съедена» солями, в тех же случаях, когда представлялась возможность различить узор, он оказывался идентичным орнаменту керамики южных земледельческих культур²⁸. В дополнение А.В. Виноградов приводит сводную таблицу, где сравнивает орнаменты кельтеминарских сосудов раннего этапа и керамики раннеземледельческих культур Востока. Благодаря этому становится ясно, что многие виды типично кельтеминарского орнамента (прежде всего волнистый, нанесенный палочкой) абсолютно идентичны расписному, только выполнены они в другой технике. Однако и в южных памятниках имеются сосуды, украшенные не только росписью, но и прочерчиванием²⁹.

В заключение А.В. Виноградов, в те годы еще только в виде гипотезы, высказал мысль, которую сегодня не многие решатся оспаривать: «Кельтеминарская культура сформировалась на той же древней микролитой охотничье-рыболовческой основе, что и земледельческие культуры расписной керамики Южной Туркмении и Ирана. Можно предположить, что предки кельтеминарцев, продвигаясь на север, за-

селили отдельные районы территории, на которой позднее расселились кельтеминарцы. Это произошло, по-видимому, в эпоху мезолита или раннего неолита»³⁰.

В кельтеминарской общности А.В. Виноградов выделяет три основных локальных варианта: акчадарьинский (Хорезм); лявляканский (Внутренние Кызылкумы); нижнезаравшанский (Махандарья, Дарьясай, Аякагитма). По кремневому инвентарю были определены три этапа: ранний – дарьясайский (конец VII – середина V тыс. до н.э.) характеризуется наличием трапеций; во втором – джанбасском (1-я половина IV тыс. до н.э.) появляются пластинчатые наконечники кельтеминарского типа; на третьем этапе (конец IV–III тыс. до н.э.) распространяются двустороннеобработанные формы (рис. 1–13)³¹.

Впоследствии серия калиброванных радиоуглеродных дат в целом подтвердила хронологию кельтеминарской культуры, предложенную А.В. Виноградовым, хотя и существенно удревнила. Дарьясайский этап датируется около 8000–7000 гг. до н.э.; джанбасский – около 5000–4000 гг. до н.э.³²

Раннекельтеминарская керамика изготовлена из лессовой глины, чаще с примесью шамота, реже – дресвы, толченых раковин и песка. Выделяются четыре основные формы. Крупные сосуды вертикально-удлиненных пропорций со слегка отогнутым венчиком и немного раздутым туловом, дно круглое или чуть заостренное. Большие горшки шаровидной формы с выделенной горловиной, дно круглое. Широкогорлые полусферические чаши с прямым венчиком, дно круглое или заостренное. Открытые ладьевидные чаши. Орнамент покрывает от 30 до 90% поверхности сосуда, наиболее распространен прочерченный волнистый и прямолинейный орнамент, а также косые насечки и вдавления. Редко сосуды украшались оттиском зубчатого штампа, качалки, еще реже встречается ногтевидный, желобчатый и ямочный орнамент, нанесенный отступающей палочкой. На стоянках Джанбас-4 и Толстова встречается

раскраска и роспись сосудов коричневатокрасной охрой, роспись наносилась поверх прочерченного орнамента в виде полос или по направлению узора, найдены единичные экземпляры с белой росписью. На поздних этапах кельтеминарской культуры по-прежнему представлены крупные сосуды вертикально-вытянутых пропорций и полусферические чаши, но появляются также горшки сферической формы на плоском дне. Сосуды становятся более приземистыми и уменьшаются в размерах. Сложные орнаментальные композиции отсутствуют, резко сокращаются случаи применения волнистого орнамента. Для украшения посуды в основном используется зубчатая и гладкая качалка, зубчатый штамп, насечки и вдавления, образующие зигзаги, лесенки, елки, геометрические фигуры, в том числе заштрихованные треугольники. Количество орнамента на сосудах сокращается, часть их вообще не орнаментирована³³.

В керамике хорезмской группы памятников имеются формы, которые в других районах распространения кельтеминарской культуры пока не встречены. Их появление объясняется влиянием земледельческих культур Юга: это ладьевидные сосуды, сферические горшки с выделенной горловиной, сосуды со сливами и трубчатыми носиками. На раннем этапе преобладал прочерченный, волнистый и прямолинейный орнамент, на среднем этапе прочерченный орнамент образует простые мелко-геометрические композиции, в том числе несколько разновидностей простого меандра. На позднем этапе керамике поселений в дельте Амударьи присуще распространение гладкой и зубчатой качалки, которая, наряду с меандром, является главным отличием хорезмской орнаментики³⁴.

Кремневая индустрия группы памятников низовьев Заравшана мало отличается от хорезмской, исключение составляют два новых варианта наконечников стрел, с расширяющимся к низу черешком и серповидными, хотя последний тип наконечников чаще встречается на стоянках Лявлякана.

Также для заравшанских поселений в большей степени, чем для Хорезма, характерны крупные шлифованные топоры и тесла. Набор форм керамики в низовьях Заравшана беднее, чем в Хорезме, чаши встречаются реже, наиболее типичной формой являются сосуды с округлым туловом, нет сосудов сферической и ладьевидной форм, со сливами и носиками. Особенностью Махандарьи являются венчики с наружным наплывом наподобие «воротничковых». Орнамент ограничен тремя видами: прочерченный волнисто-струйчатый, узоры в виде решетки (на раннем этапе), оттиск палочкой и насечки, зубчатый орнамент и оттиск качалки отсутствуют. Некоторая часть ранних композиций близка хорезмским, но главное отличие керамики Махандарьи заключается в том, что прочерченный орнамент нанесен орудием с 2-5 острыми зубцами. Этот прием совершенно неизвестен по материалам Хорезма и Лявлякана, как и орнамент с использованием лопаточки, вдавление которой образует некое подобие валика на тулове сосуда. Большинство сосудов на раннем этапе вообще не имеет орнамента, другие украшены только в верхней части³⁵.

Материалы памятников в районе Лявляканских озер отличаются и от хорезмских, и от заравшанских. В кремневом инвентаре отличие сказывается в широком распространении остроконечного варианта пластинчатых наконечников стрел кельтеминарского типа, крупных плитчатых скребков и изделий типа микрорезцов. В керамике, при общем сходстве, есть формы сосудов, которых нет ни в нижнем Заравшане, ни в Хорезме: сферические горшки со срезанным верхом, небольшие реберчатые сосуды, сосуды с маленьким уплощенным дном, некоторые варианты вертикально-вытянутых крупных сосудов. По сравнению с материалами двух других групп, в ранних комплексах Лявлякана прочерченный орнамент используется значительно реже (только в 25% случаев), зато очень широко применяется зубчатый, обычно в сочетании с насечками. В целом орнаментика ляв-

ляканской керамики очень бедна, лишь для небольшой части ранней посуды известны такие сложные композиции, как гирлянда, обычный тип орнамента представлен простой комбинацией двух элементов – елки и зигзага³⁶.

В дополнение А.В. Виноградов сравнивает украшения всех трех групп и выявляет примечательную специфику. Украшения хорезмской группы стоянок сделаны из створок раковин (*Chlamis*, *Dentalium*, *Pectunculus*, *Didacna*, *Anodonta*), известны только 2-3 случая находок бус из бирюзы. На стоянках староречий Заравшана бусы и подвески изготавливались из камня и мелких уплощенных галек. На памятниках Лявлякана среди украшений существенно преобладают бусы, изготовленные из бирюзы, к тому же в районе существовали мастерские по обработке бирюзы³⁷.

Благодаря тому, что некоторые памятники правобережья Амударьи перекрыты защитным слоем аллювия, археологам представилась редкая возможность ознакомиться с типом кельтеминарского жилища. В нижнем горизонте стоянки Джанбас-4 сохранились остатки овальной в плане наземной каркасно-столбовой конструкции размером 24'17 м. Жилище стоянки Кават-7 имеет размеры 30-31'18-19 м. В Акчадарьинской дельте есть также жилища прямоугольной в плане формы, например, на стоянке Толстова, размером 9'12-13 м. Согласно реконструкциям А.В. Виноградова, для кельтеминарской культуры наиболее типичным является наземный дом прямоугольных очертаний площадью от 80 до 120-150 м². Расположение входа и ориентировка построек зависели от местных условий. Конструкция состояла из двух или трех вписанных друг в друга прямоугольных (иногда с закругленными углами) фигур из вертикально врытых столбов, на которых крепились стропила. Кровля и стены собирались из двух слоев камыша, крыша к тому же сверху обшивалась полосами древесной коры, уложенными параллельными рядами внахлест. Внутри жилище было устлано

циновками. Каждое кельтеминарское поселение состояло как минимум из трех таких домов, в каждом из которых, судя по количеству очагов вдоль стен, обычно жило 8-10 парных семей³⁸.

Погребальный обряд кельтеминарской культуры известен по раскопкам двух погребений между стоянками Джанбас-4 и 5 и особенно по материалам могильника Тумек-Кичиджик (рис. 14). Джанбасские погребения сильно разрушены, устанавливаются только очертания могильных ям размером приблизительно 140'80 см и 160'110 см, в которых предполагается скорченное положение по оси северо-восток – юго-запад и, вероятно, север – юг³⁹.

В могильнике Тумек-Кичиджик (V - IV тыс. до н.э.) вскрыто 27 индивидуальных погребений в узких грунтовых ямах овальной или прямоугольной формы размером 2-2,2'0,4-0,5 м (глубина от 40 до 110 см), изредка с небольшим подбоем. Захоронения осуществлялись в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток (в диапазоне от 30° до 80°), с вытянутыми вдоль тела руками, в большинстве случаев с охристой подсыпкой под костяком. В засыпке могил зафиксированы скопления камней и, иногда, дерева. Обнаружены два несколько более поздних захоронения (№ 7 и 8): одно в слабоскорченном положении на левом боку, головой на запад; другое на спине с подогнутыми ногами, головой на юг. Умерших помещали в могилу в одежде, богато обшитой раковинными и костяными украшениями. Захоронения сопровождалось ритуальными положениями мясной пищи на обломках сосудов. Погребальный инвентарь беден и не отличается многообразием: керамика, каменные изделия, кости млекопитающих, птиц и рыб, украшения, бусы, нашивки из раковин и кости, в том числе подвески из клыков кабана. В «позднем» погребении № 7 найдено керамическое пряслице усеченно-конической формы, типичное для Южного Туркменистана⁴⁰.

В отношении антропологического состава погребенных в могильнике Тумек-Ки-

чиджик Т.А. Трофимова пришла к заключению, что имеются резкие морфологические различия между мужской и женской сериями черепов, представленных двумя типами. Первый из них протоевропейский, близкий древнеямной культуре, но более грацилизованный. Вторым является вариантом кроманьонского типа южной ветви европеоидов (протосредиземноморский, по М. Каппери). В итоге автор предполагает прямые связи населения Присарыкамьшской дельты и Северного Копетдага уже в эпоху неолита⁴¹. Дополнительные исследования материалов из Тумек-Кичиджика позволили Л.Т. Яблонскому предложить логичное объяснение указанному выше сочетанию северных и южных протоевропеоидных черт. Предки кельтеминарцев в составе одной из групп раннеолитического населения Средиземноморья (протосредиземноморцы) продвинулись на север, где вступали в контакты с носителями северного протоевропеоидного антропологического типа, что в итоге привело к сложению облика носителей кельтеминарской культуры⁴².

По общему заключению, люди, похороненные в позднеолитическом могильнике Тумек-Кичиджик, характеризуются значительной массивностью и резко выраженным европеоидным обликом. В целом «кельтеминарское население отличалось значительной матуризацией и принадлежало к широколицему европеоидному комплексу, который можно считать одним из локальных вариантов древней формации европеоидной расы»⁴³. По трем категориям признаков наблюдается близость между неолитическими черепами кельтеминарцев и североевропейцев (Норвегия, Северо-Восточная Европа). Имеется значительное сходство мужской серии из Тумек-Кичиджика с сериями ямной и срубной культур, «кельтеминарцы приняли, по-видимому, непосредственное участие в процессе формирования антропологического облика населения степной полосы в эпоху бронзы»⁴⁴.

Учитывая огромную, периодически расширяющуюся территорию, занимаемую па-

мятниками кельтеминарского круга с его локальными вариантами, Г.Ф. Коробкова предложила ввести понятие «кельтеминарская культурная общность». Она отличается следующими устойчивыми признаками: «наличие поселков с одним или несколькими наземными жилищами овальной или подпрямоугольной формы, каркасно-столбовой конструкции, крупных и малых размеров; погребального обряда с захоронением в грунтовых ямах с подсыпкой охры, в вытянутом положении на спине; особого керамического комплекса, содержащего сосуды вертикально вытянутых пропорций и полусферические чаши разных вариаций; характерного орнамента в виде прочерченных прямых и волнистых линий, косых насечек, вдавлений, оттисков зубчатого штампа, качалки, образующих пояса; пластинчатой микролитовидной индустрии с наконечниками стрел с боковой выемкой, микропластин с притупленным краем»⁴⁵.

Кельтеминарская общность, помимо собственно Хорезма и Внутренних Кызылкумов, включает в себя группы памятников в Западном и Южном Казахстане: к северу и востоку от Арала (древняя дельта Сырдарьи); северные и южные склоны хребта Каратау. В Западном Казахстане материал происходит по большей части из развеечных стоянок: каменный инвентарь типично кельтеминарский, керамика представлена круглодонными сосудами, обычно с примесью раковин в тесте. Орнамент наносился гребенчатым штампом, иногда оттисками шагающей гребенки по всей поверхности сосуда⁴⁶. В Южном Казахстане кельтеминарские памятники известны в Чимкентской области, в районе правобережья средней Сырдарьи. При раскопках пяти слоев пещеры Карангур найдены каменные изделия и окрашенная красной краской керамика – прием, типичный для джанбасских стоянок Акчадарьинской дельты. Обитатели пещеры делали фигурки, подвески и бусы из костей диких животных, на подвесках из клыков имеется нарезной орнамент. Существует указание на признаки одомашнивания быка и собаки⁴⁷.

Сопредельные территории Центрального и Восточного Казахстана демонстрируют смешанное происхождение каменного инвентаря: наряду с влиянием южной микролитойной пластинчатой техники есть орудия, изготовленные из отщепов. Преобладание отщеповой индустрии, как и макролитойных форм, к северу увеличивается.

Усть-нарымская культура Восточного Казахстана и сходные группы Центрального Казахстана сложились при непосредственном участии кельтеминарской культуры в контакте с сибирским и алтайским неолитом. Отмечается также некоторое сходство Усть-Нарыма с южноуральскими неолитическими комплексами, в свое время даже предполагалось сложение андроновской культуры на основе усть-нарымской, в которой уже известны находки костей домашней овцы и козы. В Центральном Казахстане, в верхних слоях стоянки Караганда-15, также обнаружены кости домашних животных – коровы, овцы и лошади. В Северном Казахстане в материалах одной группы памятников, маханджарской, отразилось влияние прикаспийской традиции (сосуды с заостренным шиповидным дном). В Тургайской степи Кустанайской области собраны материалы кельтеминарского типа, в том числе характерные асимметричные наконечники⁴⁸. В других (стоянки у пос. Тельмана) заметно кельтеминарское присутствие. Есть находки домашних быка и овцы, найдено также большое количество костей лошади. В памятниках, расположенных восточнее, в Прииртышье, число пластин и вкладышей резко сокращается, сосуды плоскодонные, наряду с гребенчатым появляется ямочный орнамент, изредка есть накольчатый⁴⁹.

По соседству с восточно-казахстанской, усть-нарымской группой памятников исследовались родственные им неолитические стоянки Юго-Западного Алтая, в материалах которых явно прослеживается кельтеминарское участие. Стоянки расположены на озерах – древних притоках Оби, их объединяет традиция микролитической

пластинчато-отщеповой индустрии. В IV - втор. пол. III тыс. до н.э. процентное отношение пластин увеличивается, появляются асимметричные наконечники стрел, напоминающие кельтеминарские⁵⁰. Связи со среднеазиатскими культурами особенно ярко проявились в материалах из одиноского погребения IV - первой половины III тыс. до н.э. из Обь-Иртышского междуречья, где найдены так называемые бусы-крестовики и поделки из кызылкумского минерала джеспилита⁵¹.

Несмотря на отмечаемые повсеместно признаки прямого или косвенного воздействия кельтеминарской культуры, с годами она, как и родственные ей памятники Прикаспия, была исключена из круга культур, оказавших сколько-нибудь значимое влияние на исторические процессы Евразии. Причин тому было немало, и не в последнюю очередь относительно слабая изученность пустынных районов Средней Азии, обусловленная крайне низкой сохранностью большинства древних стоянок. В итоге за кельтеминарской культурой надолго закрепились данные А.А. Формозовым определение: архаичное охотничье-рыболовецкое сообщество с полным отсутствием признаков производящего хозяйства. Как следствие, неоднократно отмечавшиеся прежде кельтеминарские и афанасьевские сходения, столь очевидные для большинства исследователей в середине XX в., сейчас уже просто игнорируются. Вероятно, современным исследователям намного более перспективным кажется поиск недостающих звеньев между памятниками ямной культуры и афанасьевской не в ареале кельтеминарских охотников и рыболовов, а дальше к северу, в лесостепной полосе. Однако в этой связи можно напомнить, что обряд, ориентация погребенных и сопроводительный инвентарь в известном могильнике доямного времени у с. Съезжее на р. Самаре аналогичны кельтеминарскому, хотя авторы раскопок отдали предпочтение иному кругу аналогий⁵². Воротничковые венчики сосудов могильника Съезжее ха-

рактены не только для приуральского неолита типа Давлеканово и Муллино, но и для керамики пещеры Джебел, а в материалах кельтеминарской культуры «воротнички» (венчики с наружным напылом) являются специфической чертой нижнезаврашанского локального варианта⁵⁵.

Та же тенденция проявилась при исследовании святилища Савин-1 на Тоболе 2-й четверти III тыс. до н.э., относящегося к Уральско-Казахстанской культурно-исторической общности. Как и на поселениях верховьев Оби, кремневая индустрия носит смешанный характер: 70% изделий изготовлено на отщепах, 30% – на пластинах, среди последних имеется типично кельтеминарский наконечник стрелы⁵⁴. О южном влиянии свидетельствует восточносредиземноморский расовый тип мужчины и женщины в ритуальном погребении святилища. Тем не менее аналогии выстроены в пользу хвалынских и среднестоговских древностей, вплоть до Триполья, в то время как территориально более близкие памятники кельтеминарской культуры не упоминаются вовсе⁵⁵.

Когда-то А.В. Виноградов уверенно обосновывал участие кельтеминарской общности в генезисе северокаспийских неолитических культур⁵⁶, сейчас на основании технологического анализа керамики из стоянок Северного Прикаспия нас не очень убедительно пытаются уверить, что это не так. Обращается внимание на отличие примесей в формовочной массе, хотя для кельтеминарской керамики в качестве добавок упоминаются почему-то только песок и шмот, а сходство форм во внимание не принимается. Радиоуглеродные даты ранней керамики Северного Прикаспия сравниваются не с ранним, а со средним, джанбасским этапом кельтеминарской культуры, отчего, конечно, полностью «подтверждается глубокая древность керамики данного региона по сравнению с посудой культур соседних областей, включая кельтеминарскую»⁵⁷. Надо сказать, что В.С. Мосин, исследовав керамику тех же культур, пришел

к прямо противоположному выводу, назвав источником гончарных технологий Восточный Прикаспий и Приаралье⁵⁸.

Желание показать выдающуюся роль исследуемого региона (будь то Северный Прикаспий или Южный Урал) в качестве «эволюционного очага» понятно, но это приводит нас в лучшем случае к умолчанию, в худшем – к ложному восприятию роли культур Средней Азии. Как для Северного Прикаспия, так и для Южного Урала круг аналогий искусственно ограничивается стоянками Зарзи и Шанидар⁵⁹, однако, вопреки подобным утверждениям, северокаспийский, как, впрочем, и южноуральский, материал имеет много общего с позднемезолитическими – раннеолитическими индустриями Средней Азии, да и миновать территорию Приаралья в ходе расселения не так-то просто⁶⁰.

В 1979 г. А.В. Виноградов, основываясь на распространении наконечников стрел, обозначил ареал кельтеминарского влияния не только на восток от Урала, но и на запад – на ту территорию, где позже появилась фатьяновская культура (рис. 15)⁶¹. Надо полагать, что за прошедшие 40 лет количество находок наконечников кельтеминарского типа как в Приуралье, так и в Зауралье значительно возросло. Свидетельством этому является относительно недавний замечательный обзор, специально посвященный находкам кельтеминарских наконечников на Урале и в Зауралье⁶².

В упомянутых выше неолитических стоянках агидельской культуры Давлеканово и Муллино наряду с воротничковой керамикой нередко находят классические наконечники стрел кельтеминарского типа⁶³. Однако происхождение традиции изготовления воротничковой керамики на этапе Муллино III Г.Н. Матюшин объясняет притоком нового населения из Северного Прикаспия, а территория кельтеминарской культуры, которой отказано даже в роли транзитной зоны, ограничена только районом Южного Приаралья в низовьях Амударьи⁶⁴.

Факт находок кельтеминарских наконечников на северо-востоке Башкирии, в бас-

сейне р. Самара и в Саратовском Поволжье, вопреки мнению А.А. Формозова, свидетельствует об участии кельтеминарской общности в формировании культур не только Зауралья, но и гораздо более западных областей⁶⁵. Так, А.А. Выборнов пришел к выводу о сложении елшанской культуры на юге степной зоны Волго-Уральского региона в начале VI тыс. до н.э. вследствие переселения из Прикаспия и Среднеазиатского междуречья⁶⁶.

В 70-80-е гг. XX века еще не было известно о находках наконечников стрел кельтеминарского типа на памятниках майкопской культуры Северного Кавказа. Их исследователь С.Н. Корневский считает асимметричные наконечники стрел самой известной формой наконечников из майкопских захоронений и выделяет их в так называемый «псекупско-долинский» тип, но вообще не упоминает ни кельтеминарские материалы, ни работы А.В. Виноградова⁶⁷.

За кельтеминарской культурой настолько укрепилась репутация примитивного сообщества охотников и рыболовов, что во внимание не принимаются даже давно известные, но совсем не типичные для «присваивающего хозяйства» кельтеминарские материалы. Когда-то на нескольких стоянках по берегам озера Лявлякан во Внутренних Кызылкумах были обнаружены следы меднолитейного производства, на одной из них найден фрагмент сосуда с капельками меди внутри, на двух стоянках – куски руды, шлаков и литейные формы⁶⁸. Литейные формы изготовлены из песчаника и предназначались для отливки топоров: в одной из них отливали топоры-тесла, в другой – топоры-молоты. Топоры-тесла подобной формы известны на памятниках Ирана, Северо-Восточного (Астрабадский клад, Тепе Гиссар, Шахтепе) и Северного, на юго-западном побережье Каспия (Амлаш), они есть в Трое (слои II и VII B) и на Крите, широко распространены в материковой Греции и на территории между Дунаем и Днепром⁶⁹. Топоры-молоты находили в том же ареале, а также на Северном Кавказе и в Трансильвании⁷⁰.

Еще в 60-е годы Г.Ф. Коробкова обратила внимание на находки вкладышей жатвенных ножей, обломков зернотерок и утяжелителей для мотыг на стоянках в низовьях реки Заравшан, что косвенно указывает на признаки земледелия. Уже на раннем этапе кельтеминарской культуры появляются аналогичные джейтунским керамические диски с отверстием в центре, вероятнее всего, пряслица, что возможно только при наличии овцеводства⁷¹. К сожалению, полноценный палеозоологический анализ костных остатков из раскопок кельтеминарских стоянок в те годы сделан не был, но даже в отношении известных данных существует некий «заговор молчания». К примеру, в остеологическом материале из могильника Тумек-Кичиджик есть остатки верблюда-бактриана, кости верблюда из стоянки Толстова тоже, скорее всего, относятся к бактриану⁷². Однако известный специалист по археологии Ирана и Месопотамии Д. Поттс в специальной статье о происхождении верблюда вида *Camelus bactrianus* вообще не упоминает находки из кельтеминарских памятников. Соответственно, ареал распространения дикого предка бактриана (*Camelus ferus*) автор поневоле ограничил пределами степного пояса от Монголии до Центрального Казахстана⁷³.

Как представляется, ситуация должна измениться хотя бы после палеозоологического анализа материалов из кельтеминарской стоянки Аякагитма в низовьях Заравшана, в 150 км к северу от Бухары. Среди костных остатков животных были определены кости домашних коров, овец, коз и свиней. В составе стада велик удельный вес верблюда и лошади, предположительно, также одомашненных, или, по словам авторов раскопок, прирученных⁷⁴. Признаки domestikации лошади и тем более верблюда, установить крайне сложно, поэтому Ф. Бруне более осторожна в своих высказываниях и обращает внимание только на наличие в материалах Аякагитмы костей домашнего быка⁷⁵.

Игнорирование кельтеминарской культуры привело к тому, к чему и должно было

привести – к возникновению ситуации, когда исконно кельтеминарские памятники приписываются каким угодно археологическим культурам, кроме кельтеминарской. Так, могильник Тумек-Кичиджик иногда абсолютно необоснованно считается памятником ямной культурно-исторической общности⁷⁶. Типично кельтеминарский каменный инвентарь из Тугайного и отдельные находки из поселения Саразм в долине Заравшана относят к неким «пастушеским группам ямно-афанасьевского типа»⁷⁷, и на основании этого утверждается о продвижении в Среднюю Азию носителей афанасьевской культуры⁷⁸.

Существующая в умах специалистов привычка рассматривать любую ситуацию только с позиций археологии «степных» или вообще северных культур может сыграть с нами злую шутку. В принципе, логика понятна: если в Саразме есть афанасьевский (то есть пратохарский) след, значит, в Синьцзяне отыщется непременно. В желании решить «тохарскую проблему» особенно большие надежды когда-то возлагались на могильник Чемурчек (Кээрмуци), хотя расположен он на крайнем севере Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР, то есть на приличном расстоянии от Таримского бассейна. Могильник складывался в два этапа: первый из них (фаза I) относится к эпохе бронзы и датируется концом III - началом II тыс. до н.э.; второй (фаза II) включает погребения эпохи раннего железа⁷⁹. По мнению авторов, Кээрмуци представляет собой отдельное явление, отличаясь и от афанасьевской, и от окуневской культур, хотя, несомненно, имеет общие с ними черты, особенно с последней. В то же время материалы Кээрмуци не обладают ни малейшими признаками сходства с памятниками Таримского бассейна⁸⁰.

В действительности не афанасьевские древности находили в Синьцзяне, а кельтеминарские – на развееванных стоянках в бассейне Яркендарьи и в дельте Курукдарьи, на западе и юго-западе Синьцзяна⁸¹. Собранные там фрагменты керамики и сопутству-

ющий кремневый инвентарь являются типичными для кельтеминарской культуры⁸². В.А. Ранов подчеркивает сходство наконечников стрел из сборов А. Стейна с подобными изделиями из кельтеминарских поселений и могильника Заманбаба, указывая, что их можно отнести как к неолиту, так и к эпохе ранней бронзы⁸³. Новейшие исследования в этом районе, на поселении Сулэтанбаэ возле Кашгара (Suletangba'e), подтверждают указанный кельтеминарский круг аналогий⁸⁴. Вероятно, кельтеминарцы предпочли район Лобнора из-за приозерной, с многочисленными протоками, среды, такой же, как в Приаралье. Здесь сконцентрировано большинство сборов кельтеминарских материалов и расположен могильник Сяохэ (Xiaohé) с уникальными захоронениями, в котором, как и в Гумугоу, отсутствуют керамические сосуды, но есть обтянутые мешковиной корзины классической кельтеминарской формы и со сходным типом орнамента⁸⁵. Одной из территорий, где проходили и/или оседали носители кельтеминарской культуры по линии от Приаралья до Таримского бассейна, можно считать Ферганскую долину. В экспозиции местного краеведческого музея выставлены типично кельтеминарские микролиты, собранные в песках Центральной Ферганы.

Таким образом, факты свидетельствуют об ином векторе расселения древних народов Средней Азии – с юга на север и с юго-запада на северо-восток, во всяком случае на ранних этапах истории, от мезолита до ранней бронзы. Начало этому движению было положено приблизительно в VII тыс. до н.э., о чем, помимо прочего, свидетельствуют многочисленные материалы, собранные в приамударьинских песках Северного Афганистана. Они имеют прямые аналогии с прикаспийскими, в частности, с кельтеминарскими раннего, дарьясайского этапа, джейтунскими и из пещеры Джебел⁸⁶. В таком ракурсе становятся понятнее знаменитые наскальные изображения (росписи) Зараутсяя в горах Кугитанг на юге Узбекистана, особенно последняя их трактовка⁸⁷.

Заключение

Остается надеяться, что когда-нибудь все-таки удастся снять с кельтеминарской культурно-исторической общности штамп «первобытности» и вернуться к теме неоднократно отмечаемой по многим признакам близости кельтеминарцев и их далеких северных соседей. Первую попытку подобного рода можно видеть в исследовании о генезисе керамической традиции Евразии эпохи неолита – от Восточного Прикаспия и Приаралья до Балтики⁸⁸. Нужно только заметить, что сосуды с шиповидным дном характерны не для приаральского кельтеминарского, а прикаспийского неолита, в частности, для айдабольской культуры.

Осталось рассмотреть несколько вопросов, возникших после выявления, благодаря генетикам, «праиндоевропейской общности» – ямной культурно-исторической общности. Мнение автора не изменилось: ни по вопросу об участии майкопской культуры в ее сложении; ни о частичном кельтеминарском субстрате в ямной культуре; ни о том, что создатели ямной культуры относились к прото- или праиндоиранской языковой общности. Как и в том, что своим происхождением фатьяновская культура обязана кельтеминарской, так и об отождествлении ее с прото- прагермано-балто-славянской языковой общностью, и пока оснований для изменения этой точки зрения за прошедшие 10 лет не наблюдается⁸⁹.

В последних исследованиях много говорится о происхождении шнуровых культур Европы от ямной, но не рассматривается мало того что соседняя, так и, по сути, синхронная шнуровая фатьяновская. Пока голоса ученых, настаивающих на необходимости удревнения фатьяновской культуры, звучат скромно⁹⁰, и не зря археологи называют ее, а также балановскую культуру «забытым ребенком шнуровой семьи»⁹¹. Интересно знать линии родства ямной и фатьяновской культур: восходящая, параллельная или удаленно-параллельная, т.е. сестринская или двоюродная. Кажется, только сейчас этот вопрос по-настоящему обесп-

коил ученых, но опять-таки больше генетиков, чем археологов, отчего, в нарушение всей хронологической последовательности, получилось, что фатьяновская культура обязана своим происхождением среднеднепровской⁹². Продолжая терминологию внутрисемейных отношений, «забытым ребенком» можно назвать и среднеднепровскую культуру, а прикаспийскую айдабольскую и тем более кельтеминарскую – «брошенными родителями», отданными на откуп генетикам и лингвистам.

Учитывая сложности лингвистических построений, усугубленных обращением к палеогенетическим исследованиям, следует все-таки отдать должное новейшим высококвалифицированным попыткам найти место кельтеминарской общности в евразийском языковом древе. Необъяснимый кельтеминарский феномен, располагавшийся практически в сердце Евразии, А.Г. Козинцев предположительно отнес к прауральской или, согласно ностратической теории, индоуральской языковой общности⁹³. Приятно поражает глубина лингвистических конструкций, но остаются неразрешимые противоречия с прикладными археологическими, да и антропологическими материалами.

Использование исключительно лингвистических и генетических методов непременно создаст казус наподобие того, который возник при сравнении генов носителей ямной и анатолийской культур и который так замечательно обозначила в своем обзоре М. Серангели. В первых из них в приблизительно равной пропорции присутствуют гены кавказского охотника-собирателя (CHG) и восточного охотника-собирателя (EHG). В образцах эпохи бронзы из Анатолии гены EHG отсутствуют, что исключает ямную культуру из числа предков анатолийцев, в частности, хеттов⁹⁴. Только один этот факт заставляет нас вновь обратить внимание на археологические культуры Закавказья, Южного Прикаспия и, в широком смысле, Северной Месопотамии.

Родословная джейтунской, кельтеминарской и прикаспийской культур уходит

корнями в верхний палеолит и мезолит (докерамический неолит) Иракского Курдистана, что прослеживается по распространению в Восточном Прикаспии прогрессивной для того времени зарзийской кремневой индустрии⁹⁵.

В неолите-энеолите расширение ареалов кельтеминарской приаральской и айдаболской прикаспийской культур происходило постепенно, неизбежно приводя к многоплановым контактам с обладателями древнейшего североевразийского генетического типа (ANE). Ближе к концу IV тыс. до н.э., в период Джемдет-Наср, миграционные процессы ускорились и вскоре приобрели взрывной характер. Во 2-й половине III тыс. до н.э. Восточный Прикаспий и Приаралье довольно быстро превратились в непригодные для жизни пустыни Каракумы и Кызылкумы, и, как следствие, кельтеминарская и айдаболская культуры здесь исчезли.

На первый взгляд смущает хронологическая глубина истоков сложения ПИЕ-общности, но не следует забывать, что историческое развитие – величина не равномерная и не прямолинейная, а законы ускорения никто не отменял, в том числе в развитии языков. То, на что прежде уходило столетия, сейчас происходит в течение десятилетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe. Part I. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.

² Мамедов Э. Опыт географического анализа древнего расселения человека в бессточных районах пустынь // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С.П. Толстова. М.: Наука, 1968. С. 9-16; Кесь А.С., Итина М.А., Виноградов А.В. К палеогеографии Акча-Дарьи // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 110-113; Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции XIII. М.: Наука, 1981. С. 19-40; Байпаков К.М., Бороффка Н., Савельева Т.В., Ахатов Г.А., Лобас Д.А., Ержанова А.А. Итоги археологических исследований Северного Приаралья по проекту INTAS

«CLIMAN» // Известия НАН РК. Серия общественных наук 1. 2004. С. 252; Boroffka N.G.O., Bajpakov K.M., Achatov G.A., Eržanova A., Lobas D.A., Savel'eva T.V. Prospektionen am nördlichen Aral-See, Kazachstan // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. 2003-2004. № 35-36. P. 1-81; Boroffka N., Oberhänsli H., Sorrel P., Demory F., Reinhardt C., Wünnemann B., Alimov K., Baratov S., Rakhimov K., Sarapov N., Shirinov T., Krivonogov S.K., Röhl U. Archaeology and Climate: Settlement and Lake-Level Changes at the Aral Sea // Geoarchaeology: An International Journal. 2006. № 21 (7). P. 725, 730-731.

³ Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. С. 59-66.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Толстов С.П. Древний Хорезм ... С. 65; Збруева А.В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья // Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 184; Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 58; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Второе издание. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. С.28. Надо заметить, что при раскопках памятников собственно кельтеминарской культуры, как замечает сам С.П. Толстов, раковины *Corbicula fluminalis* обнаружены не были.

⁶ Киселев С.В. Древняя история ... С. 32-33, 56, 60; Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 15; Виноградов А.В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // Советская этнография. 1957. № 1. С. 29, 38.

⁷ Окладников А.П. Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. Т. VII. Ашхабад: Изд-во Туркменского филиала АН СССР, 1956. С. 214-215.

⁸ Окладников А.П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (К вопросу о происхождении самодийских племен) // Советская археология. 1957. № 1. С. 43.

⁹ Окладников А.П. Пещера Джебел ... С. 206-207.

¹⁰ Окладников А.П. Из истории ... С. 54.

¹¹ Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. Сборник статей к 60-летию со дня рождения С.П. Толстова. М.: Наука, 1968. С. 53.

¹² Збруева А.В. Древние культурные связи Средней Азии и Приуралья // Вестник древней истории. 1946. № 3. С. 188.

¹³ Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего При-

ИЛЛЮСТРАЦИИ
(по материалам А.В. Виноградова и свода А. Редлиха)

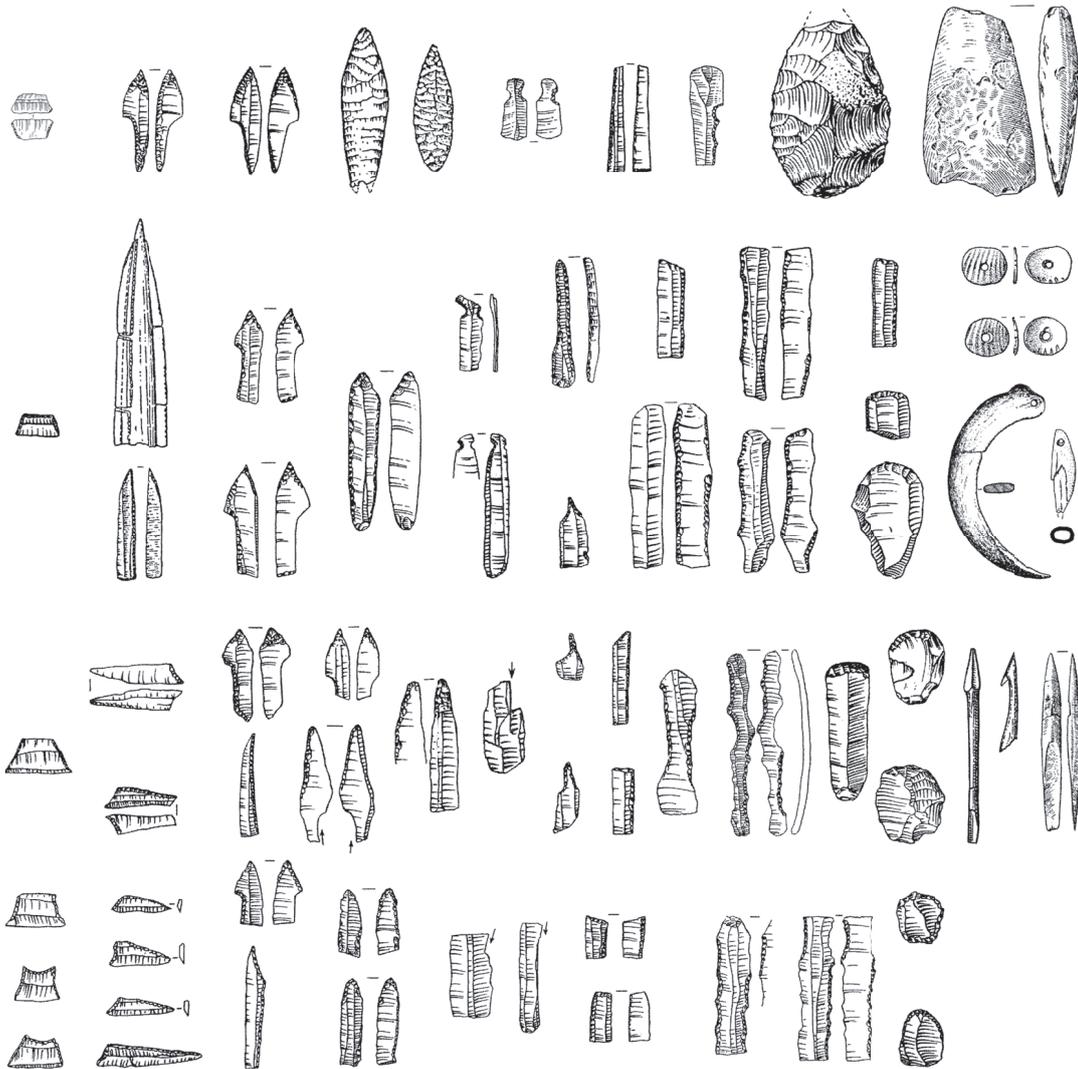

Рис. 1. Кремневый инвентарь и материалы кельтеминарской культуры.
Сводная таблица в хронологическом порядке (снизу вверх).

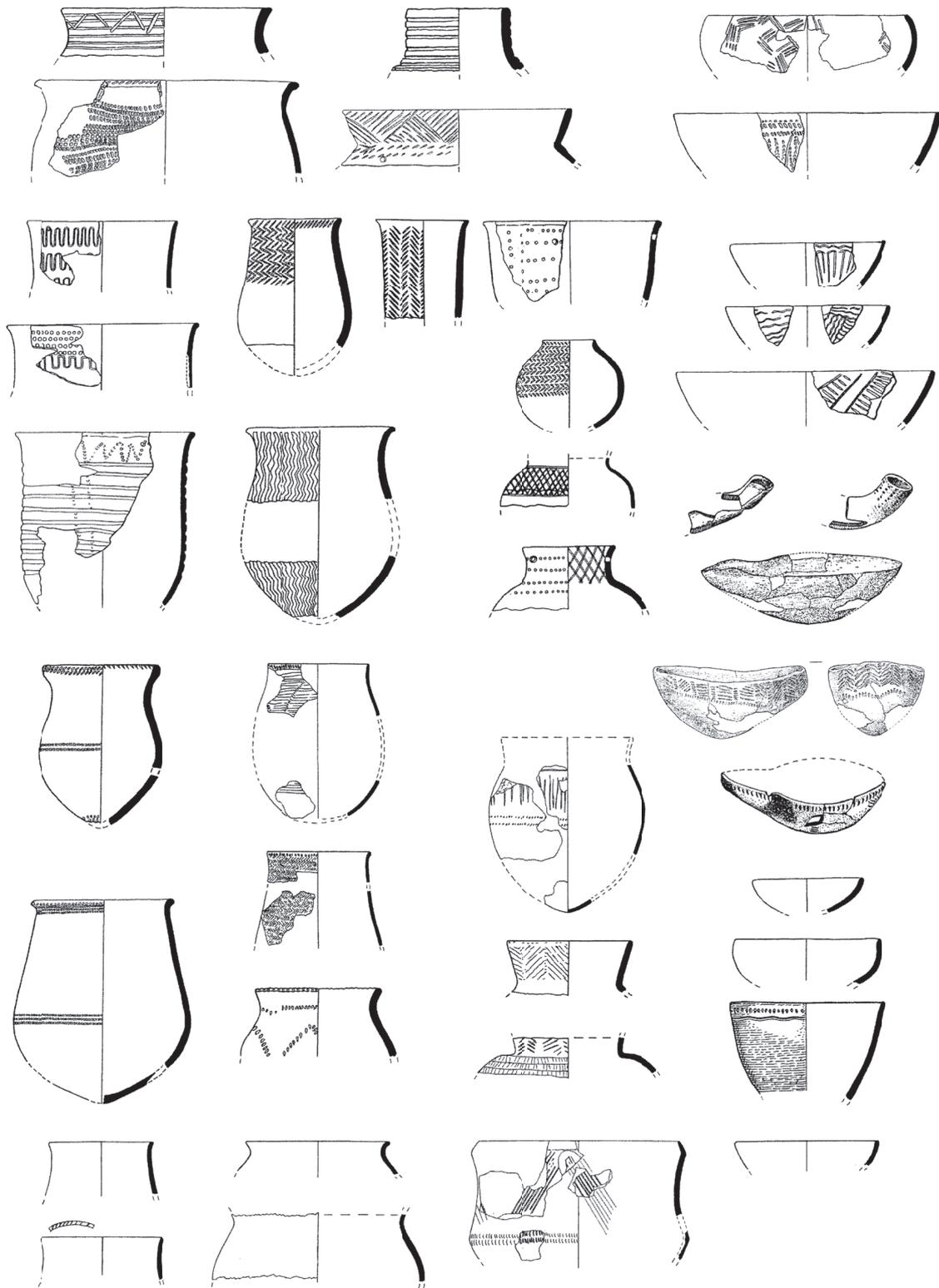

Рис. 2. Сводная таблица керамики кельтеминарской культуры в хронологическом порядке (снизу вверх).

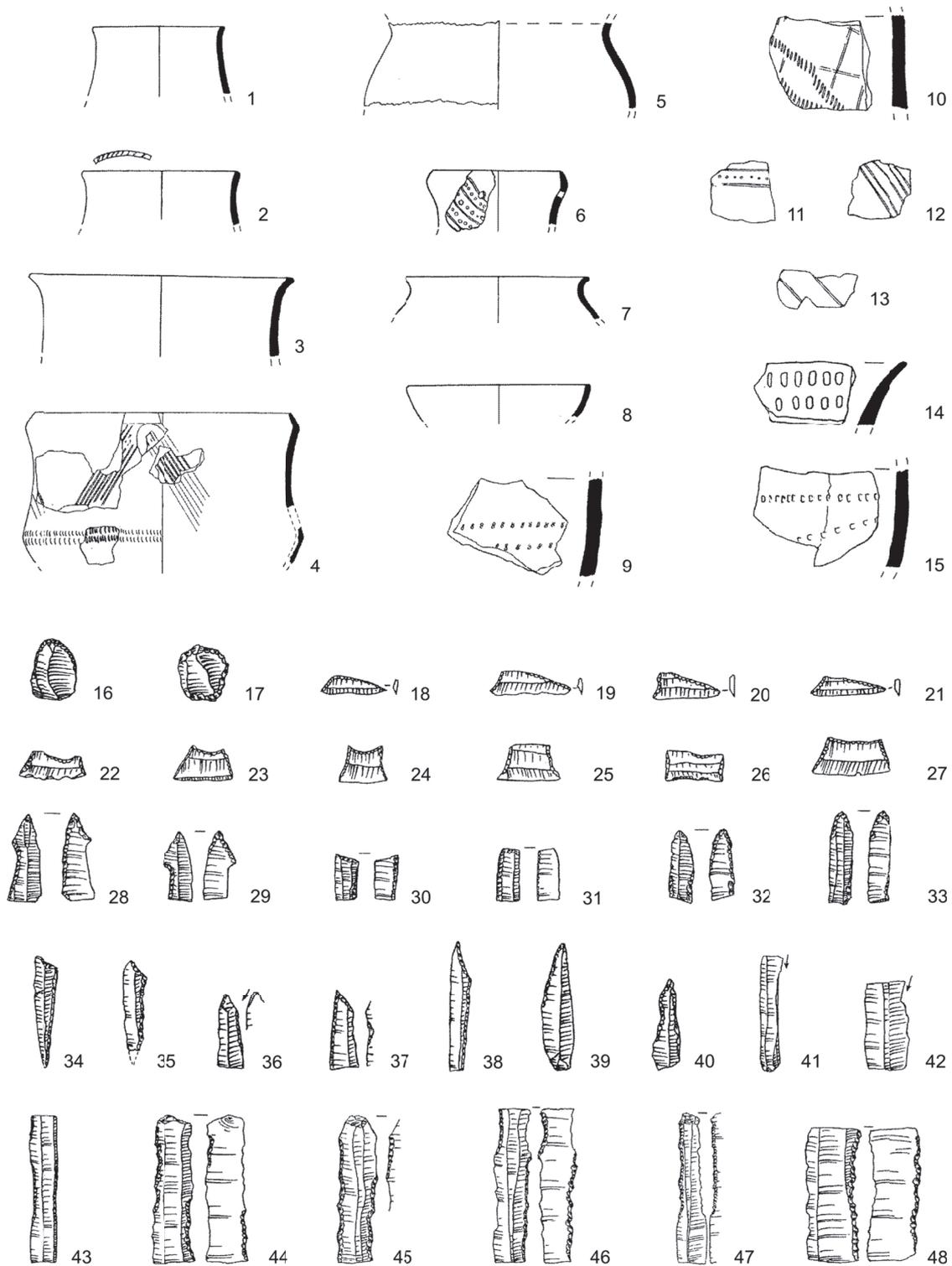

Рис. 3. Материалы раннего этапа кельтеминарской культуры.

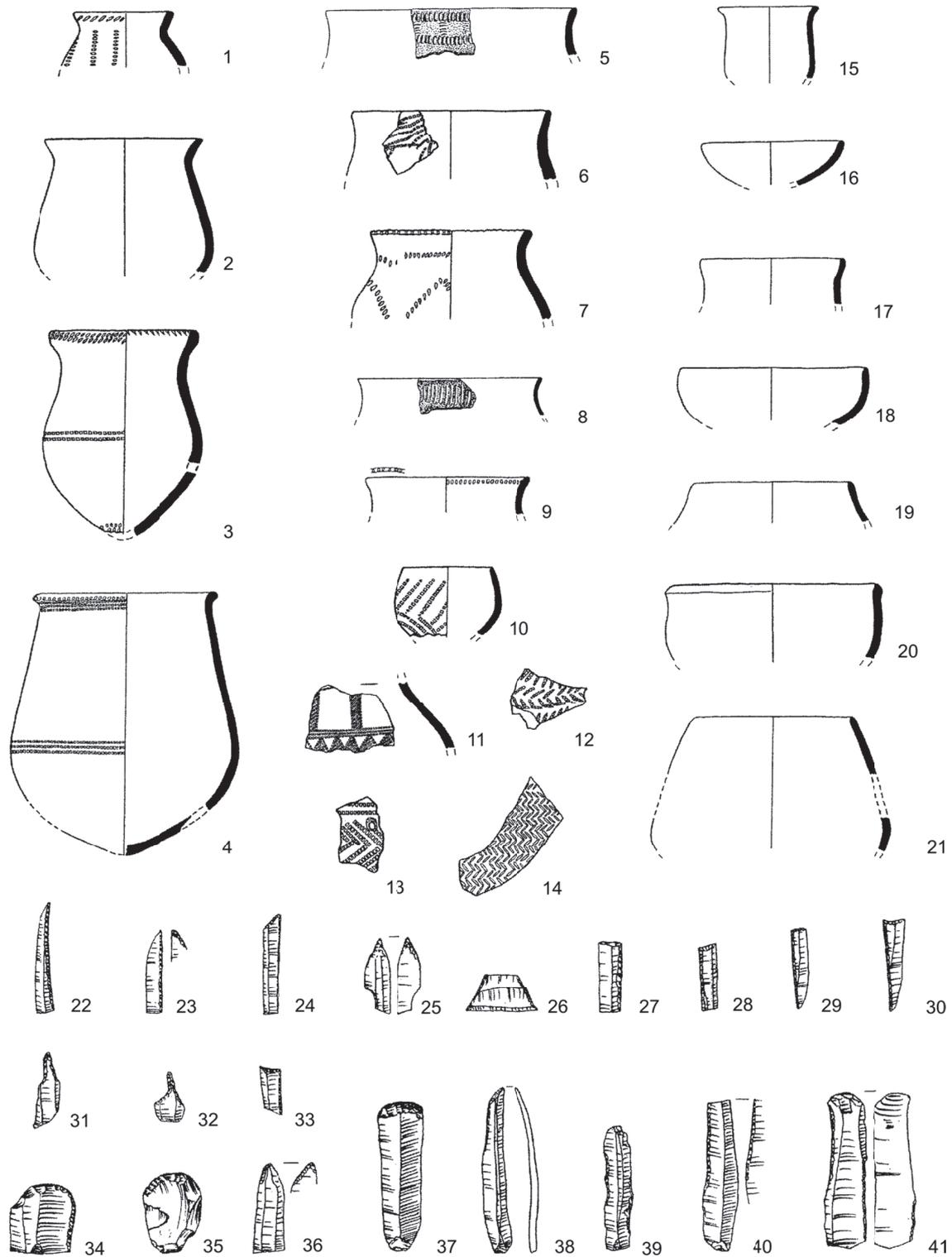

Рис. 4. Материалы раннего этапа кельтеминарской культуры.

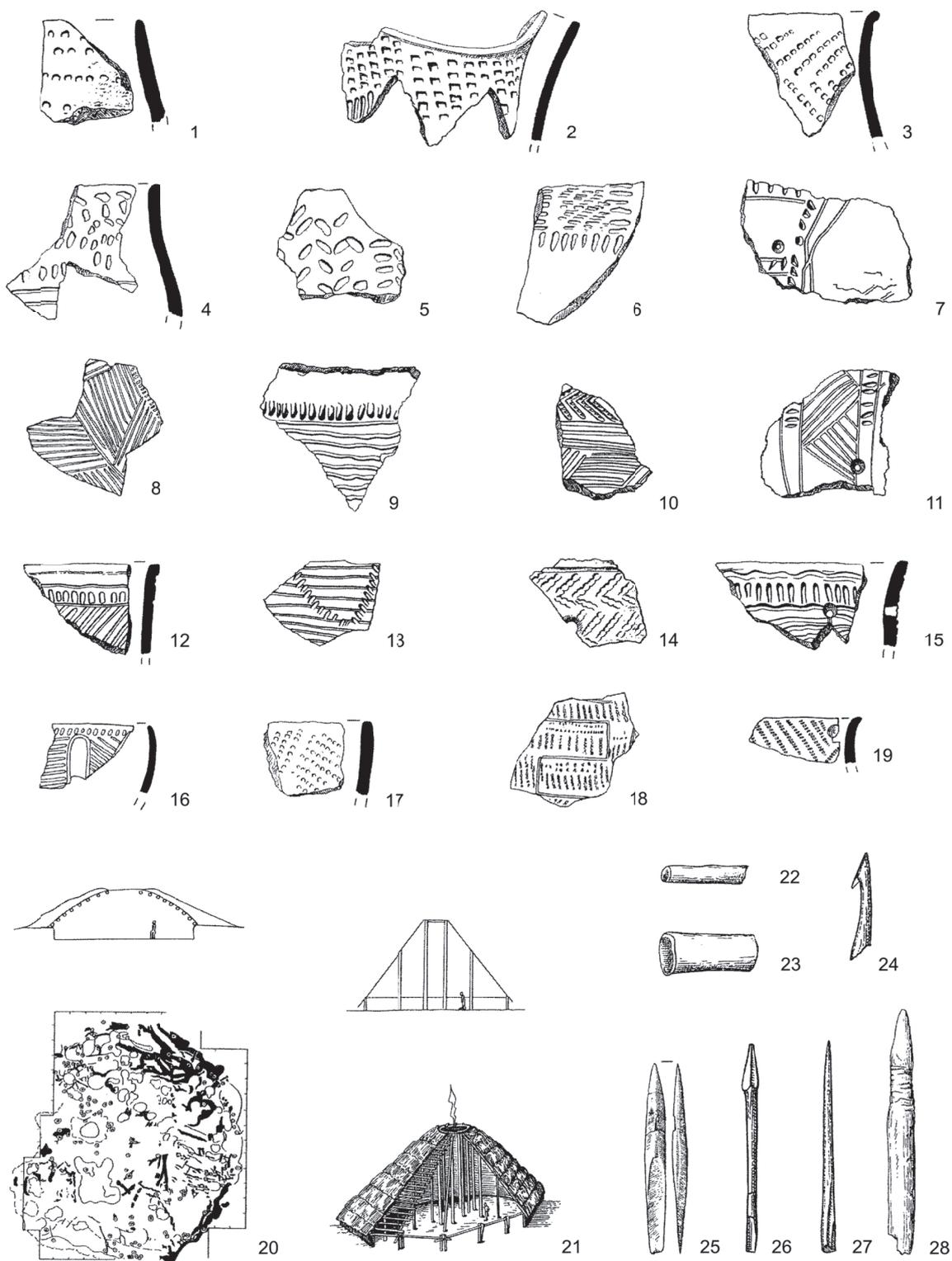

Рис. 5. Материалы раннего и среднего этапов кельтеминарской культуры.

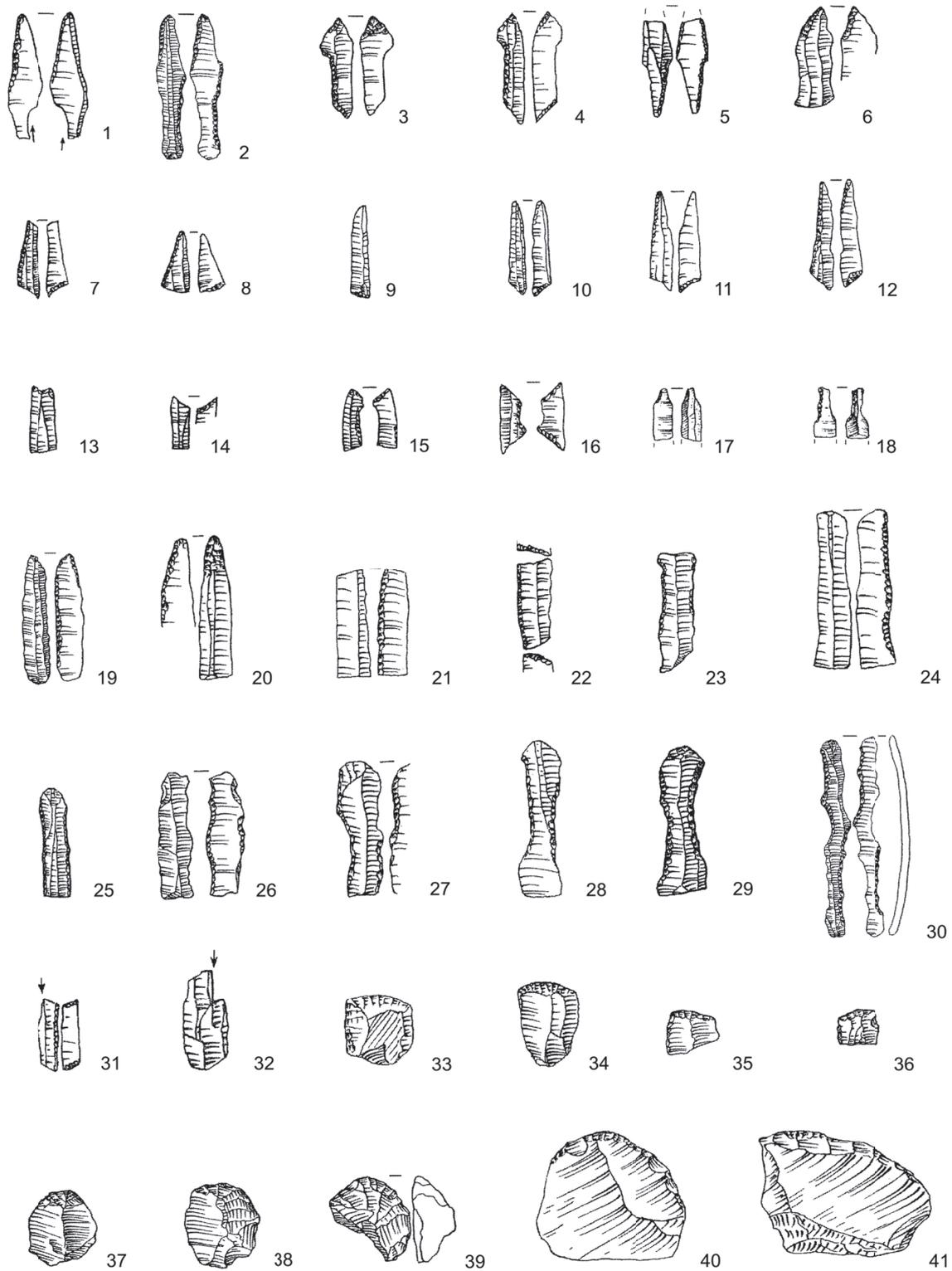

Рис. 6. Кремневый инвентарь раннего и среднего этапов кельтеминарской культуры.

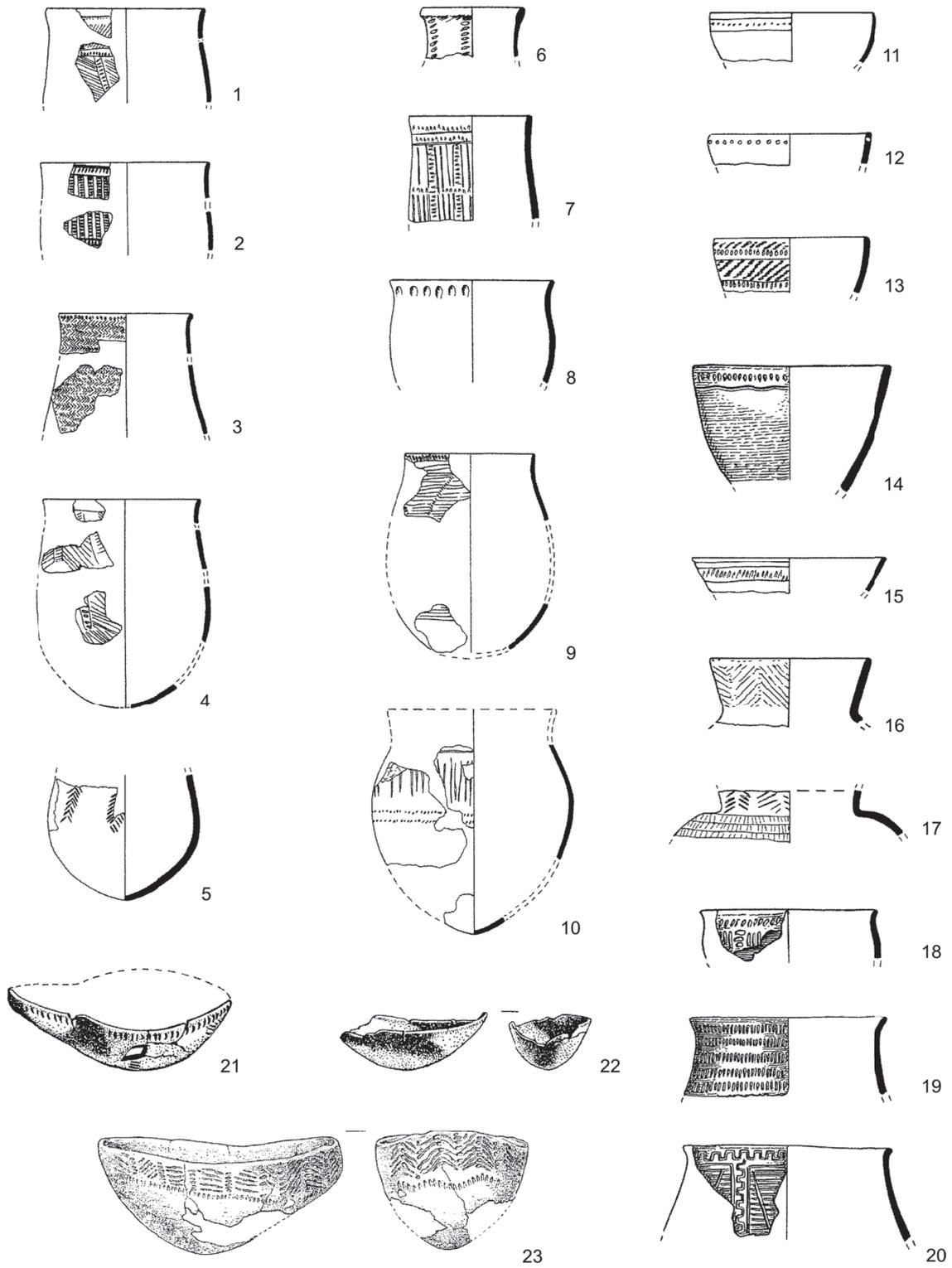

Рис. 7. Керамика раннего и среднего этапов кельтеминарской культуры.

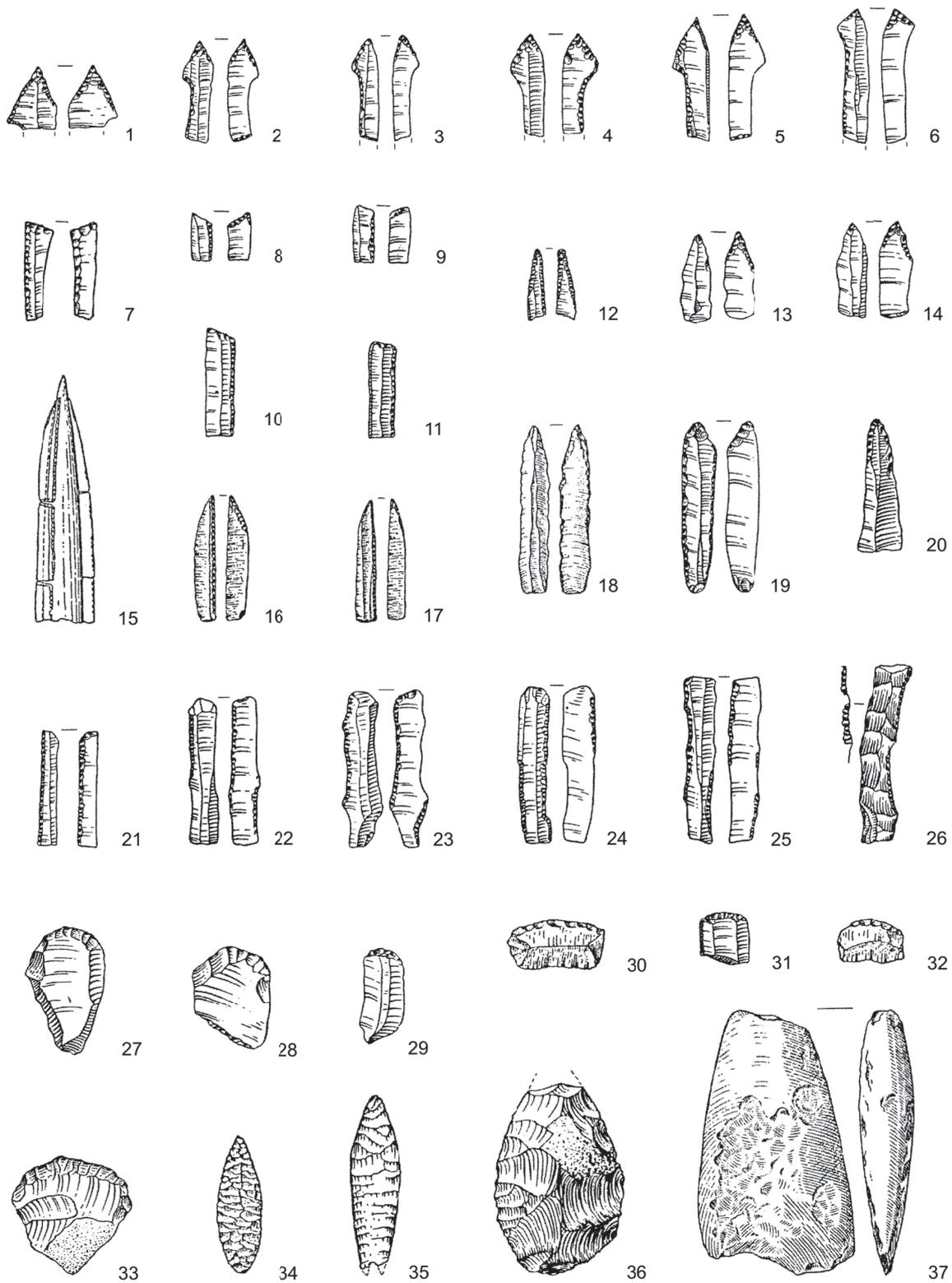

Рис. 8. Кремневый инвентарь среднего этапа кельтеминарской культуры.

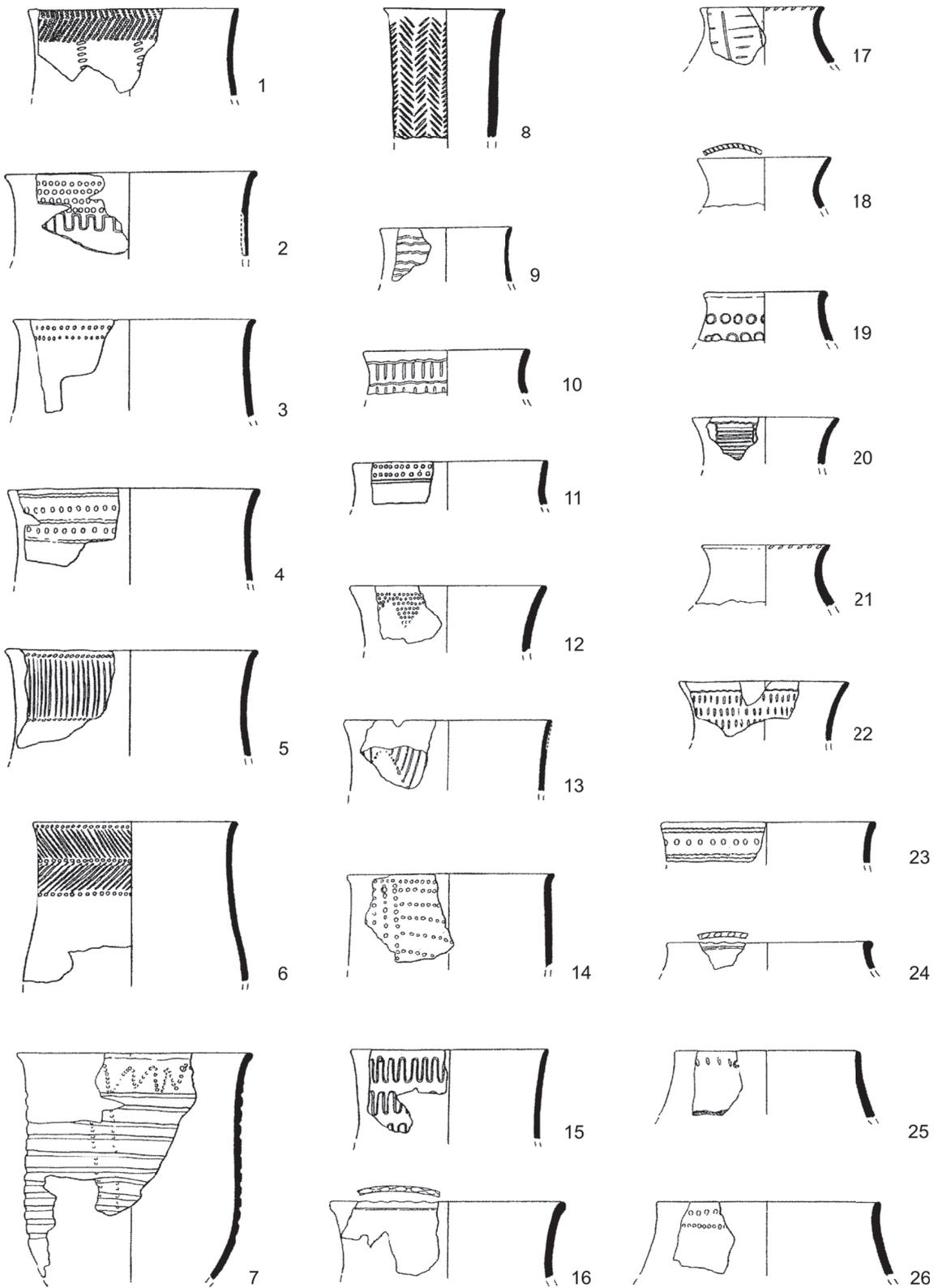

Рис. 9. Керамика среднего этапа кельтеминарской культуры.

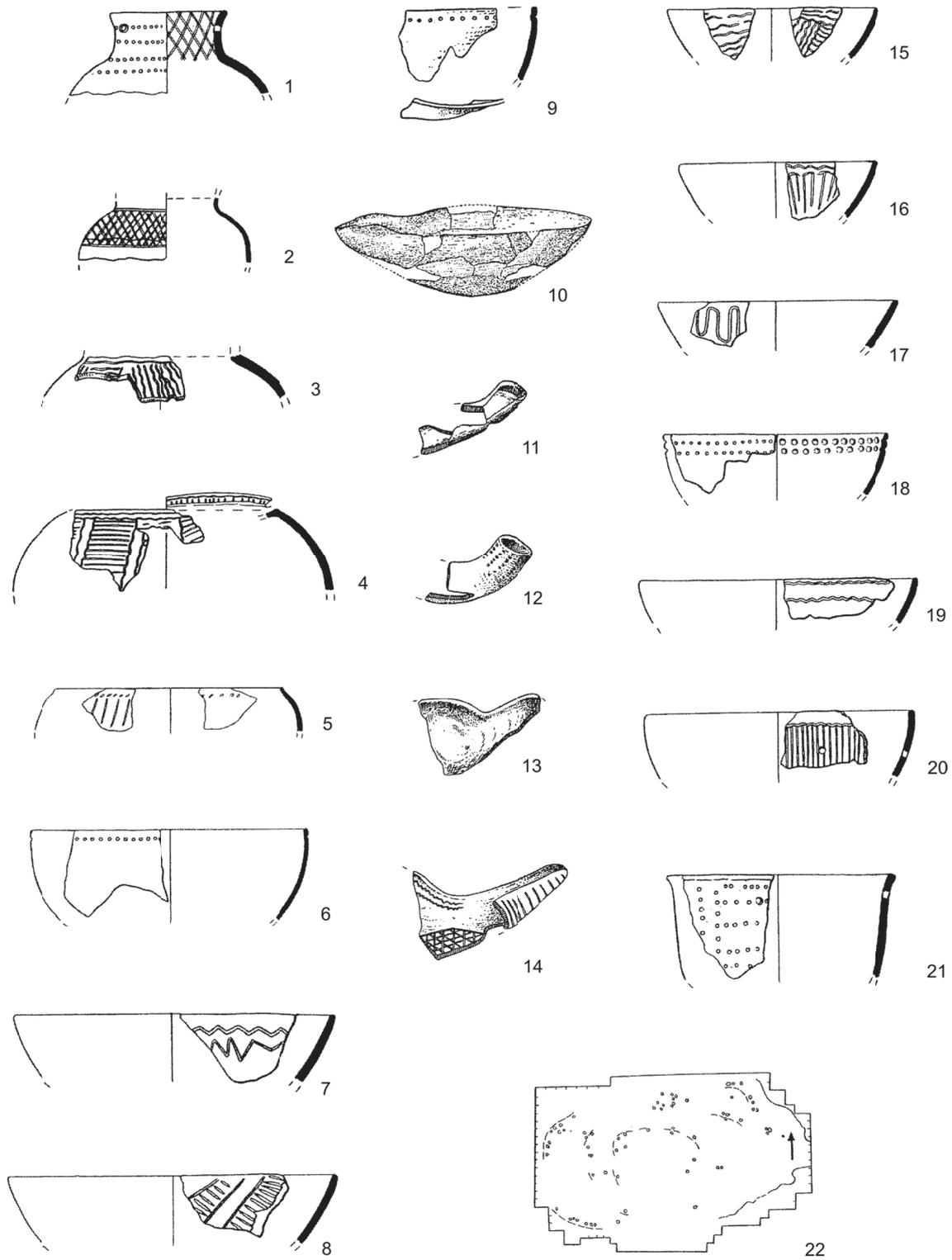

Рис. 10. Материалы среднего этапа кельтеминарской культуры.

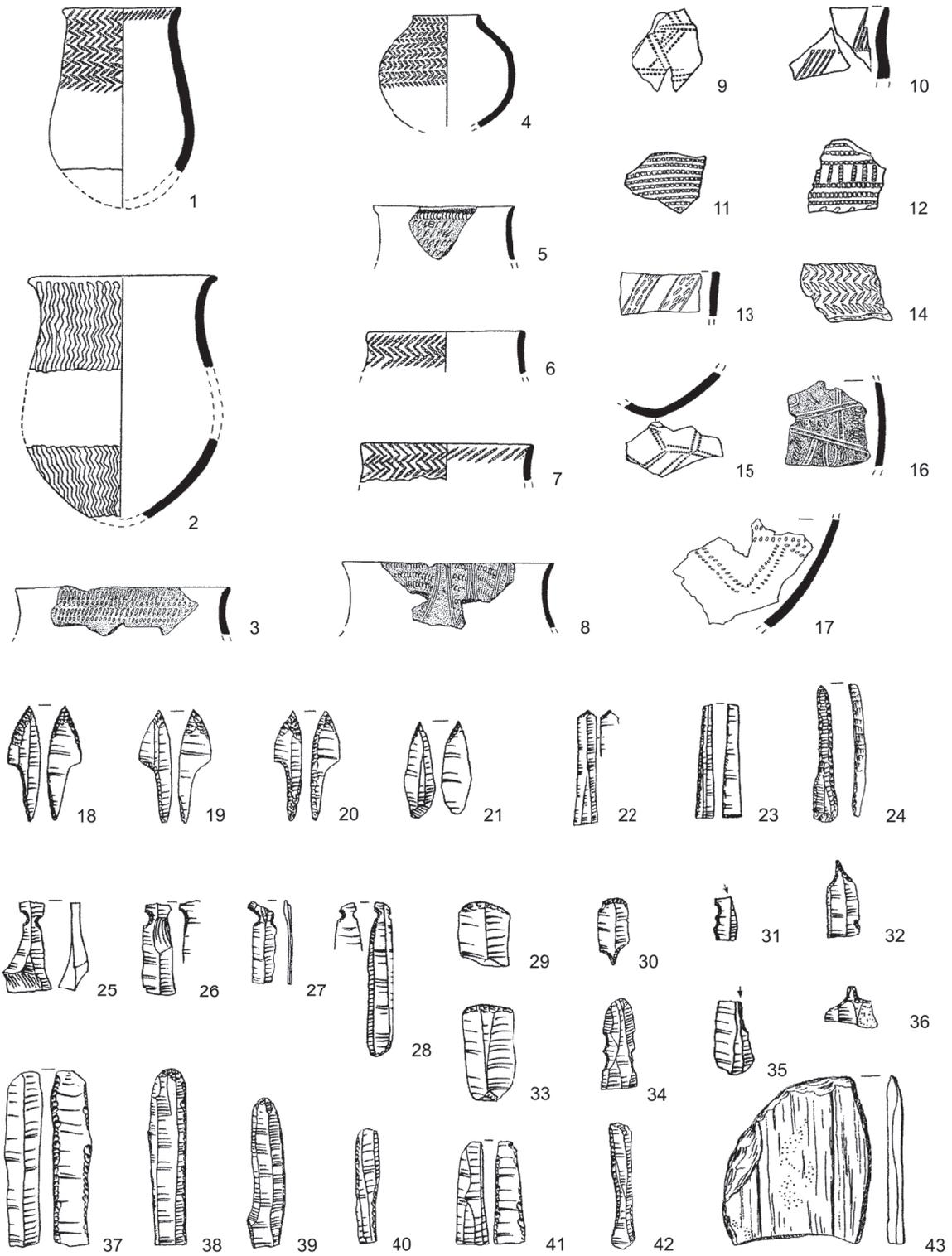

Рис. 11. Материалы среднего этапа кельтеминарской культуры.

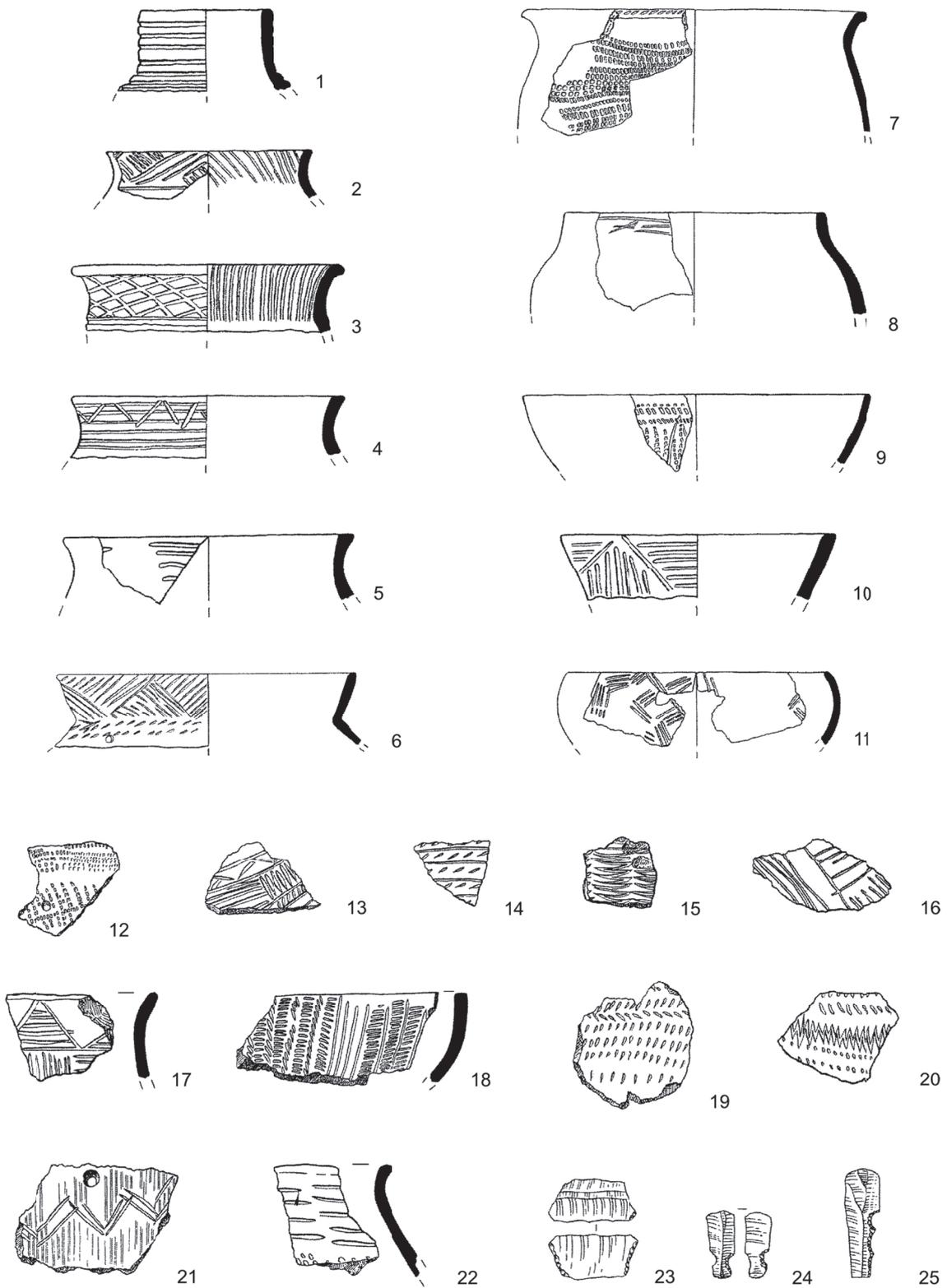

Рис. 12. Материалы позднего этапа кельтеминарской культуры.

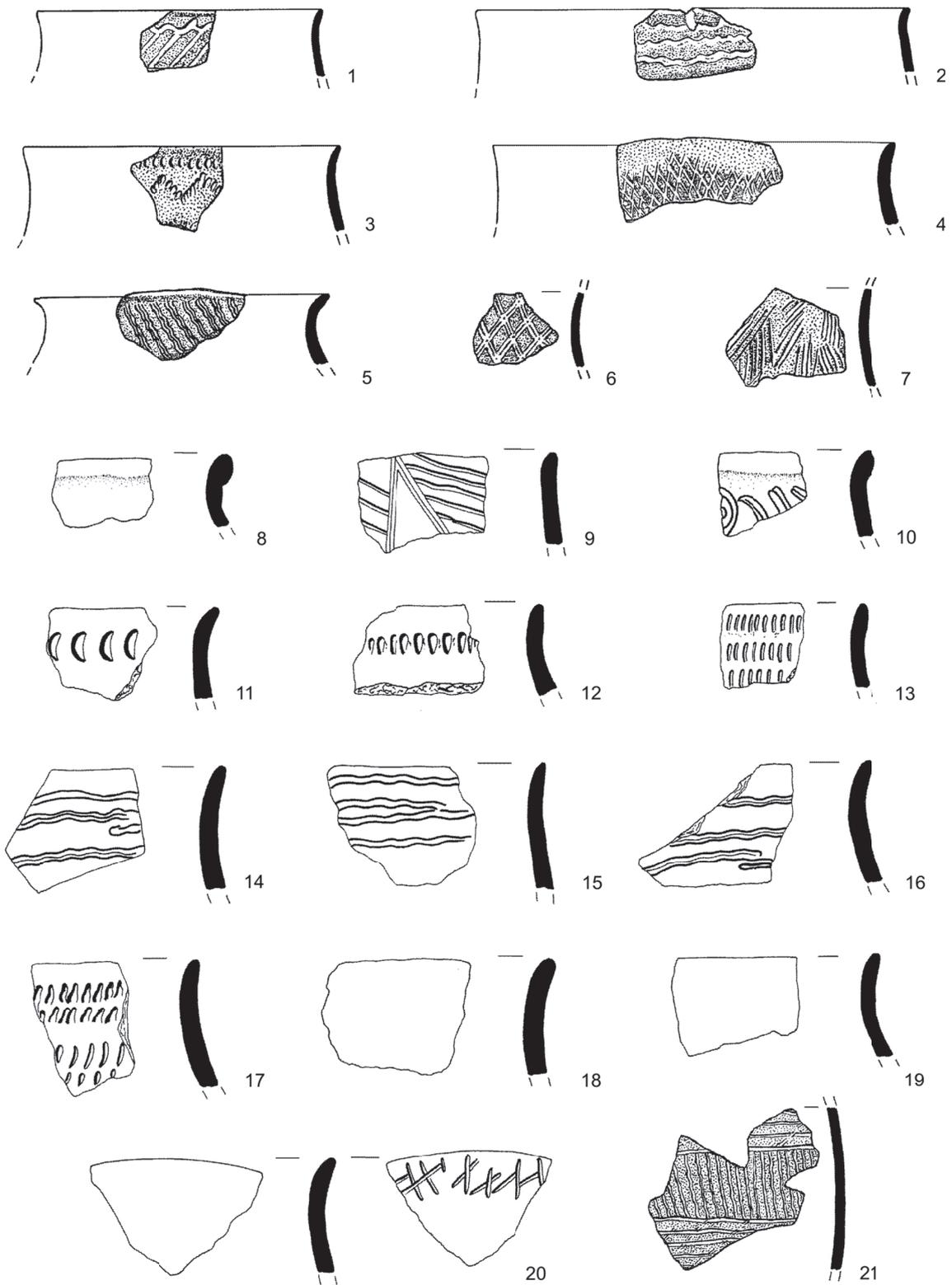

Рис. 13. Керамика позднего этапа кельтеминарской культуры.

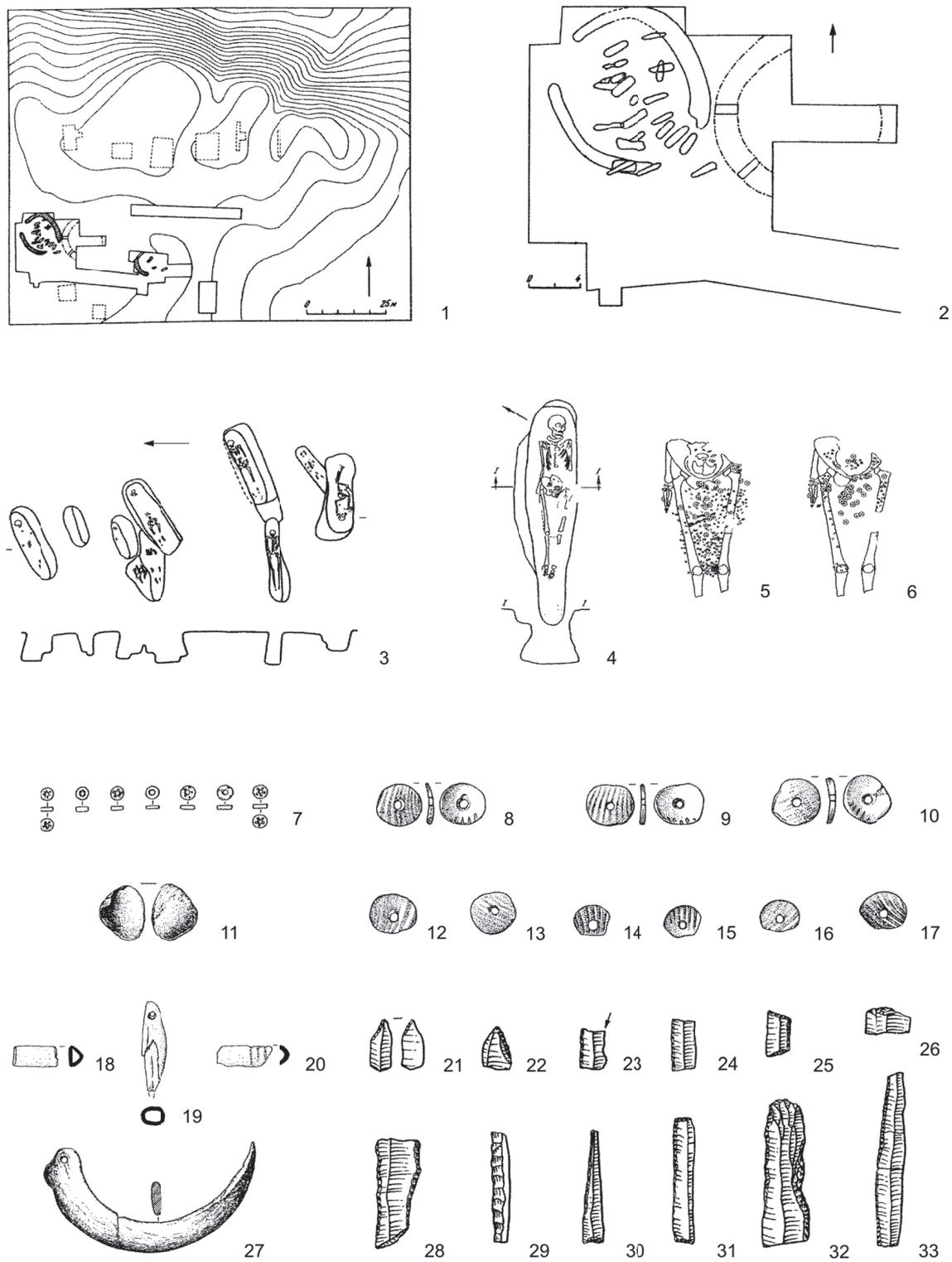

Рис. 14. Кельтеминарская культура. Могильник Тумек-Кичиджик.

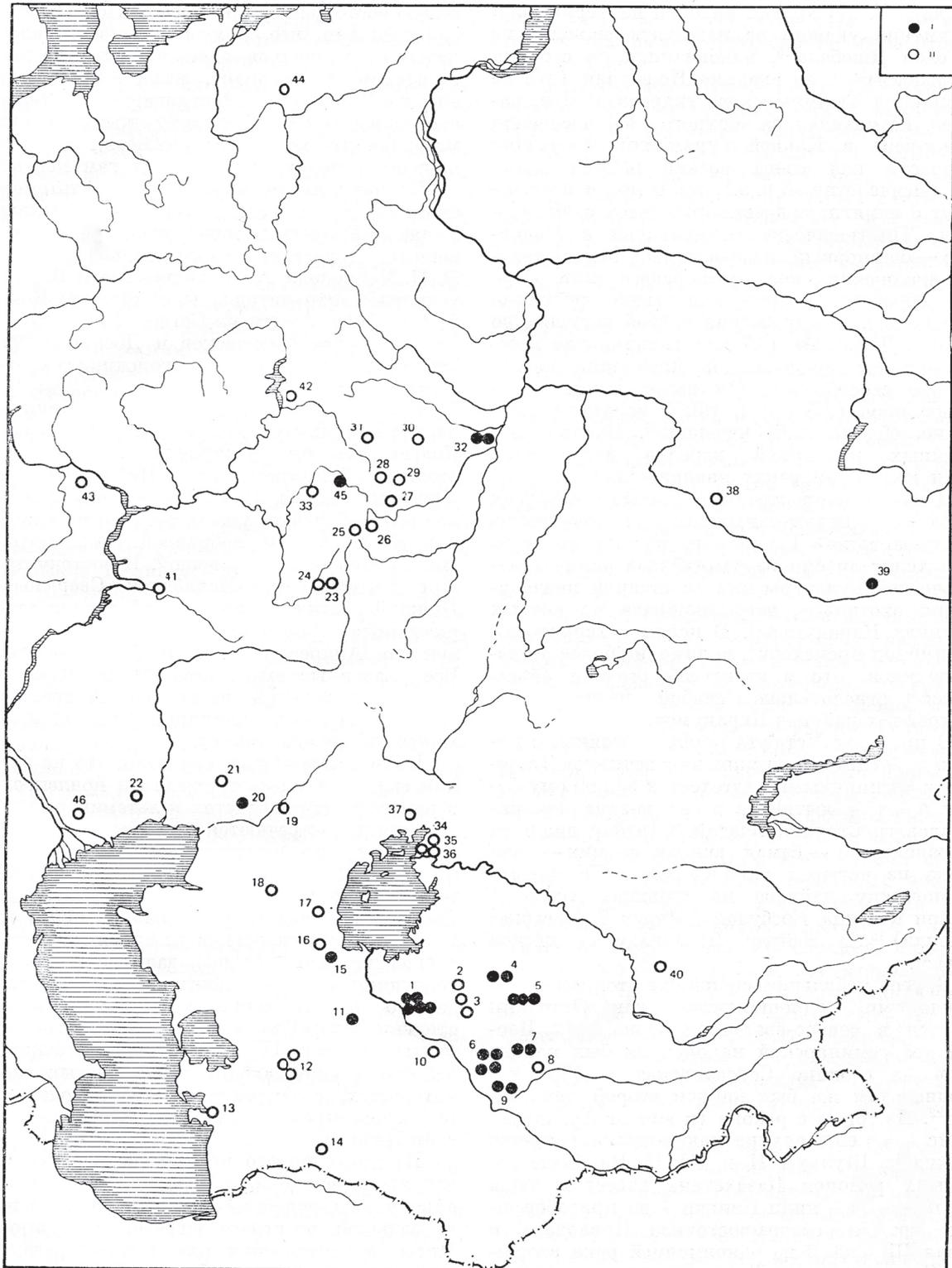

Рис. 15. Схема распространения наконечников стрел кельтеминарского типа: окружность – единичные находки; кружок – группа (Виноградов, 1979, с. 5, рис. 1).

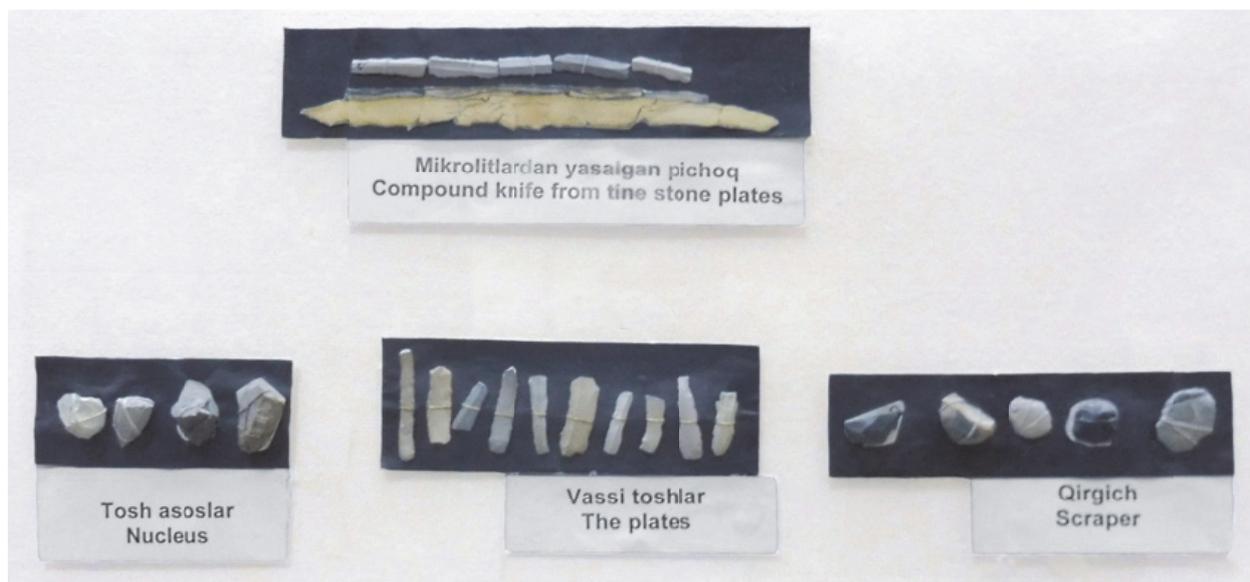

Рис. 16. Кельтеминарские материалы в экспозиции Краеведческого музея г. Ферганы. Сборы в песках Центральной Ферганы.

обья // МИА. № 35. М.: Наука, 1953. С. 30-31, 55-57, 59-60.

¹⁴ Чернецов В.Н. К вопросу ... С. 52.

¹⁵ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966. С. 37.

¹⁶ Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. С. 384.

¹⁷ Фосс М.Е. Древнейшая история Севера европейской части СССР. МИА 29. М.: Наука, 1952. С. 64, 172-173.

¹⁸ Даниленко В.Н. Неолит Украины. Главы древней истории юго-восточной Европы. Киев: Наукова думка, 1969. С. 44.

¹⁹ Там же. С. 177-186, 224-229, 233.

²⁰ Формозов А.А. К вопросу ... С. 15.

²¹ Формозов А.А. О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // Советская археология. 1972. № 1. С. 31.

²² Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977. С. 125.

²³ Формозов А.А. О роли ... С. 24-26. По таким признакам халафскую культуру пришлось бы датировать не ранее IV тыс. до н.э. «Древнейшая керамика Гари Камарбанда также реконструируется как плоскодонная» (Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 127).

²⁴ Формозов А.А. О роли ... С. 25, 31. Раковины Dentalium из Джанбас-4 служили главным, если не единственным поводом для рассуждений о контактах протодравидов и протофинно-угров.

²⁵ Формозов А.А. О роли ... С. 33-35; Формозов А.А. Проблемы ... С. 113-129.

²⁶ Виноградов А.В. К вопросу ... С. 34-35.

²⁷ Там же. С. 36; Виноградов А.В. О распространении наконечников стрел кельтеминарского типа // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979а. С. 6.

²⁸ Виноградов А.В. К вопросу ... С. 37-38.

²⁹ Там же. С. 39-41, рис. 6.

³⁰ Там же. С. 44.

³¹ Виноградов А.В. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 32; Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 132-133; Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. Материалы Хорезмской экспедиции 10. М.: Наука, 1975. С. 263-265.

³² Szymczak K., Khudzhazarov M., Fontugne M., Michniak R. 14C dating of Ayakagytma the site, neolithic settlement in South-Eastern Kyzylkums, Uzbekistan // История материальной культуры Узбекистана. 2004. Вып. 34. Р. 28-30; Szymczak K., Khudzhazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums. Ayakagytma 'The Site' and other collections. Warsaw: Institute of Archaeology Warsaw University, 2006. Р. 234; Хужаназаров М.М., Шимчак К., Брунет Ф., Хошимов Х. Неолитическая стоянка Аякагитма (Внутренние Кызылкумы) // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 197.

³³ Виноградов А.В. К вопросу ... С. 26-30.

³⁴ Виноградов А.В. О локальных вариантах ... С. 32-33.

³⁵ Там же. С. 33-34.

³⁶ Там же. С. 34.

³⁷ Там же. С. 34-35.

- ³⁸ *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы ... С. 148-155.
- ³⁹ *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население низовий Амударьи (археолого-палеоантропологическое исследование). Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции XV. М.: Наука, 1986. С. 70.
- ⁴⁰ *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы ... С. 107-115.
- ⁴¹ *Трофимова Т.А.* Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979. С. 14.
- ⁴² *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население ... С. 118-119.
- ⁴³ *Алексеев В.П., Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К.* Историческая антропология Средней Азии (палеолит – эпоха античности). Ташкент: Фан, 1990. С. 101-104.
- ⁴⁴ *Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Древнейшее население ... С. 110-115.
- ⁴⁵ *Коробкова Г.Ф.* Кельтеминарская культура. Средняя Азия и Казахстан // Археология СССР. Неолит Северной Евразии. М.: Наука, 1996. С. 108.
- ⁴⁶ Там же. С. 126.
- ⁴⁷ Там же. С. 128; *Derevyanko A.P., Dorj D.* Neolithic tribes in northern parts of Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. UNESCO Publishing, 1996. P. 181-183.
- ⁴⁸ *Логвин А.В., Шевнина И.В.* Археологические памятники урочища Белкарагай // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященных 70-летию юбилею В.Н. Логвина. Костанай – Алматы: Костанайполиграфия, 2015. С. 111, 116, рис. 7, 1-3.
- ⁴⁹ *Коробкова Г.Ф.* Кельтеминарская культура ... С. 126-132; *Derevyanko A.P., Dorj D.* Neolithic tribes ... P. 181-189.
- ⁵⁰ *Шмидт А.В.* Этнокультурная ситуация на Алтае в эпоху неолита // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. 1999. № 4. С. 28, 30, рис. 2, 19.
- ⁵¹ *Молодин В.И., Марченко Ж.В., Орлова Л.А., Гришин А.Е.* Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка 2/4а (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 240-241.
- ⁵² *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы ... С. 116; *Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // Советская археология. 1979. № 4. С. 164-165.
- ⁵³ *Виноградов А.В.* Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. Кругликова И.Т. (ред.). М.: Наука, 1979. С. 33; *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы ... С. 169-170, сноска 23-24.
- ⁵⁴ *Potemkina T.M.* The Trans-Ural Eneolithic Sanctuaries with Astronomical Reference Points in a System of Similar Eurasian Models // Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millenium BC. Vol. I. // The Journal of Indo-European Studies. 2002. № 46. P. 275. Pic. 4, 4.
- ⁵⁵ Там же. P. 273-274.
- ⁵⁶ *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы ... С. 164-165.
- ⁵⁷ *Васильева И.Н., Выборнов А.А., Зайцева Г.И.* Новые подходы к изучению неолитических культур степей Поволжья (по данным технологического и радиоуглеродного анализов керамики) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 1. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 372, 374.
- ⁵⁸ *Мосин В.С.* Неолит Урала по радиоуглеродной хронологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 71, 73.
- ⁵⁹ *Мелентьев А.Н.* Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры) // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 105-106; *Matyushin G.* Problems of Inhabiting Central Eurasia: Mesolithic–Eneolithic Exploitation of the Central Eurasian Steppes // Prehistoric steppe adaptation and the horse. McDonald Institute Monographs. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 368-374.
- ⁶⁰ *Виноградов А.В.* Древние охотники и рыболовы ... С. 135, сноска 66; 164.
- ⁶¹ *Виноградов А.В.* О распространении наконечников стрел ... С. 3-10.
- ⁶² *Челякин Ю.П., Погодин А.А., Клементьева Т.Ю.* Кельтеминарские наконечники стрел на Урале и в Зауралье // Археология Западной Сибири и

- Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2015. С. 188-194.
- ⁶³ Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. Лесостепь и степь. М.: Наука, 1982. С. 239, рис. 94, 2; 255, рис. 113, 2.
- ⁶⁴ Matyushin G. Problems of Inhabiting Central Eurasia: Mesolithic–Eneolithic Exploitation of the Central Eurasian Steppes // Prehistoric steppe adaptation and the horse. McDonald Institute Monographs. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 378, 386, рис. 24, 11.
- ⁶⁵ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 164; Крижевская Л.Я. Неолитические поселения на северо-востоке Башкирии // Советская археология. 1962. № 2. С. 106. Рис. 7, 1.
- ⁶⁶ Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. С. 201, 207-208.
- ⁶⁷ Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. С. 44; 134, рис. 7, 10, 11; 185, рис. 55, 9; 210, рис. 84, 22-30; 225, рис. 104.
- ⁶⁸ Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. Материалы Хорезмской экспедиции 10. М.: Наука, 1975. С. 228.
- ⁶⁹ См. Boroffka N. Simple Technology: Casting Moulds for Axe-adzes // Metals and Societies. Studies in honour of Barbara S. Ottaway. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 169. Bonn, 2009. P. 246-257.
- ⁷⁰ Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // Советская археология. 1970. № 2. С. 125-135.
- ⁷¹ Коробкова Г.Ф. Кельтеминарская культура ... С. 109. А.В. Виноградов несколько скептически относился к свидетельствам подобного рода (Виноградов. Древние охотники и рыболовы ... С. 139).
- ⁷² Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... С. 141-142.
- ⁷³ Potts T.F. Bactrian Camels and Bactrian-Dromedary Hybrids // The Silk Road. 2005. № 3.1. P. 49-58.
- ⁷⁴ Szymczak K., Khudzhanazarov M. Exploring the Neolithic ... P. 235.
- ⁷⁵ Бруне Ф. Связи между Акчадарьей, Маргианой и Сеистаном в III тысячелетии до н.э. // Древняя Маргиана – новый центр мировой цивилизации. Материалы Международной научной конференции (14-16 Санджар). Мары – Ашхабад, 2006. С. 205.
- ⁷⁶ Например: Parpola A. Margiana and the Aryan Problem // Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. № 19. Moscow, 1993. P. 55.
- ⁷⁷ Аванесова Н.А. Своеобразие культурно-исторических процессов Зеравшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012а. С. 273; Аванесова Н.А. Святилище ранних номадов Зеравшана // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: Азбука, 2012б. С. 15. Рис. 3; Кирчо Л.Б. Север и Юг – встреча на Зеравшане // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 284.
- ⁷⁸ Фрибус А.В. Афанасьевская культура и системы взаимодействия в степной Евразии эпохи палеометалла // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. С. 201.
- ⁷⁹ Wei Ming Jia P. and Betts A.V.G. A re-analysis of the Qiemu'erqieke (Shamirshak) cemeteries, Xinjiang, China // The Journal of Indo-European Studies. 2010. № 38 (3-4). P. 301-311.
- ⁸⁰ Там же. P. 311-312.
- ⁸¹ Stein A., K. C.I.E. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia, Kan-su and Eastern Irān. Vol. I-II – texts, III-IV – plates and planes, V – maps. New Delhi – India: Cosmo Publications, 1981. Tab. XXII-XXIII.
- ⁸² Толстов С.П. Древний Хорезм ... С. 64.
- ⁸³ Ранов В.А. Каменный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.: Наука, 1988. С. 102.
- ⁸⁴ Mei Jianjun. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang. Its cultural context and relationship with neighbouring regions. BAR International Series 865, 2000. P. 9, 59.
- ⁸⁵ Werning J. Xiaohe, Lopnur Zhen. Yanghai. Zagunluke // Ursprünge der Seidenstraße. Mannheim: Reiss – Engelhorn – Museen, 2007. P. 113, 5; 120, 12.
- ⁸⁶ Виноградов А.В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане //

- Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 2. Кругликова И.Т. (ред.). М.: Наука, 1979б. С. 54, 56-57.
- ⁸⁷ Максудов Ф.А. К новой трактовке наскальных росписей Зараутсая // Археология Узбекистана. 2016. № 2 (13). С. 3-12.
- ⁸⁸ Андреев К.М., Выборнов А.А. Керамика раннего неолита от Средней Азии до Дании // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 91-100.
- ⁸⁹ Сверчков Л.М. Тохары: древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент: SMI-ASIA, 2011.
- ⁹⁰ Кренке Н.А., Александровский А.Л., Ершов И.Н., Ершова Е.Г., Лазукин А.В. Памятники шнурового и «постшнурового» горизонтов бронзового века на Москве-реке // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 221.
- ⁹¹ Nordqvist K., Heid V. The Forgotten Child of the Wider Corded Ware Family: Russian Fatyanovo Culture in Context // Proceedings of the Prehistoric Society, Published by Cambridge University Press on behalf of The Prehistoric Society, 2020: <https://www.cambridge.org/core/terms> (дата обращения 10.02.2021 г.). P. 1-29.
- ⁹² Saag L. et al. Genetic ancestry changes in Stone to Bronze Age transition in the East European plain // Science Advances 7: eabd6535, 2021. P. 1-17.
- ⁹³ Козинцев А.Г. Новые лексикостатистические данные о южном адстрате в праиндоевропейском языке // Этнография / Etnografia. 2019. № 3 (5). С. 136; Kozintsev A. Proto-Indo-Europeans: The Prologue // The Journal of Indo-European Studies. 2019. № 47 (3-4). P. 343, 352-353.
- ⁹⁴ Serangeli M. Introduction: Dispersals and Diversification of the Indo-European Languages // Dispersals and Diversification: Linguistic and Archaeological Perspectives on the Early-Stages of Indo-European. Leiden – Boston: Brill, 2020. P. 4-5.
- ⁹⁵ См.: Виноградов А.В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры // Советская этнография. 1957. № 1. С. 25-45; Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.: Наука, 1966. С. 60; Марков Г.Е. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии // Советская археология. 1966. № 2. С. 118-119; Коробкова Г.Ф. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 22-23; Коробкова Г.Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии). Советская археология. 1975. № 3. С. 20-23; Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и его особенности // КСИА. 1977. Вып. 149. С. 113-114.

RETURNING TO THE QUESTION OF THE ROLE OF KELTEMINAR CULTURE IN THE HISTORY OF EURASIA OF THE NEOLITHIC – EARLY BRONZE AGE

© 2021 L.M. Sverchkov

Fine Arts Institute of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent

Understanding the issues of the historical development of Eurasia that have accumulated over many years is impossible without the equal participation of all scientific disciplines. Due to the specificity of its methods, archaeology seems to recede into the background, giving way to the natural sciences (genetics) and the most accurate of the humanities, namely linguistics. This article is nothing more than another attempt, using traditional archaeological methods, to draw attention once again to archaeological cultures located on a vast territory in the very heart of Eurasia. First of all, we are talking about the Kelteminar cultural and historical community, its relationships with neighboring communities, participation in the genesis of the Yamnaya and especially Fatyanovo cultures. Inevitably, this analysis touches upon the problems of the Proto-Indo-European (PIE) language community, its localization and areal connections.

Keywords: Central Asia, Siberia, China, Yamnaya culture, Fatyanovo culture, PIE language community.

DOI: 10.37313/2658-4816-2021-3-3-133-165